

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

СЕМЬ ФУНТОВ
БРАМСЕЛЬНОГО ВЕТРА

Владислав Крапивин

Семь фунтов брамсельного ветра

«Автор»

Крапивин В. П.

Семь фунтов брамсельного ветра / В. П. Крапивин — «Автор»,

ISBN 5-17-024885-7

Владислав Крапивин – известный писатель, автор замечательных книг "Оруженосец Кашка", "Мальчик со шпагой", "Мушкетер и фея", "Стража Лопухастых островов", "Колесо Перепёлкии" и многих других. В этой повести рассказывается о двенадцатилетней школьнице Жене Мезенцевой, ее друзьях и родственниках, о приключениях и школьной жизни, о том, как "взрослая жизнь" со своими серьезными проблемами порой вмешивается в детство.

ISBN 5-17-024885-7

© Крапивин В. П.

© Автор

Содержание

Первая часть	5
Отвратительная девчонка	5
1	5
2	7
3	9
4	13
Стеклянные океаны	16
1	16
2	18
3	21
4	23
Фрегат “Виола”	28
1	28
2	30
3	31
“Нихт шиссен!”	34
1	34
2	36
3	39
Астероиды	44
1	44
2	45
3	47
4	51
Галиот капитана Грея	53
1	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Владислав Крапивин

Семь фунтов брамсельного ветра

Первая часть

Мучача детестабле

Отвратительная девчонка

1

“Девочка” по-испански – “мучача”. Это сообщил мне Илья. В прошлом году ему вздумалось осваивать испанский язык (будто мало немецкого и английского!). За неделю Илюха выучил полторы сотни испанских слов и два десятка фраз. Вот тогда он впервые и обозвал меня мучачей.

Я бросила в него тапочкой. Он увернулся и начал объяснять, что в этом слове нет ничего обидного. Я сказала “врешь!” Потому что мне было известно: “девочка” по-испански – “нинья”. Так называлась самая маленькая каравелла Колумба. Уж в кораблях-то я разбираюсь получше ненаглядного братца, хотя в голове у него немало сведений по всяким-разным вопросам (называется “эрудит”).

Эрудит Илюха сообщил, что “нинья” – это девочка ясельного или детсадовского возраста, а “мучача” – между между “ниньей” и “сеньоритой”.

– Этакое нескладное существо бестолково-переходного возраста...

Вторая тапка попала в Илюхину поясницу. В ответ он заявил, что я не просто “мучача”, а “мучача детестабле”, то есть “отвратительная девчонка”. Больше тапок у меня не было, я бросила в него пластмассовый стакан с засохшими ромашками (не попала). Братец укрылся в большой комнате и подпирал спиной и другим местом дверь, пока я колотила в нее кулаками и пятками. И сдержанно гоготал...

В нашей квартире две комнаты. Которая попросторнее, называется “большая”. А наша с Ильей – “детская”. Теперь название, конечно, устарело. Какое там детство, если Илюха почти студент, а я... в общем “мучача” и, к тому же, на вид старше своих неполных двенадцати лет. В прошлом учебном году, когда строились на физре, я была в шеренге вторая справа. Выше стоял только Левка Дубов по кличке Пень. А нынче, в седьмом классе, я, чего доброго, окажусь вообще правофланговой...

Год назад Илья натянул в нашей комнате леску с колечками. На колечках – зажимы. С их помощью Илья прикрепил к леске занавес, который мама сшила из разноцветных старых штор (на новую материю денег не нашлось). Илюха разъяснил, что по закону “взрослеющие разнополые дети” не должны обитать в одной комнате. А если расселиться невозможно, то пусть будет хотя бы так...

Я сказала, что он “разнополая балда”, но сильно не спорила. Идея с занавесом была неплохая. Он делил “детскую” посередине (рядом с люстрой, которую мы с той поры зажигали очень редко). Задернешь – и оказываешься словно в своей отдельной комнате, сама себе хозяйка. Впрочем, “устраивали суверенитет” мы только по вечерам, когда наступала пора укладываться. Я ложилась раньше. Илюха засиживался до ночи – то над книжками, то над какими-

то схемами. Пестрые цветы, квадраты и орнаменты на сшитых шторах неярко просвечивали от его настольной лампы. Мне это нравилось: уютно так...

Но если брат не ночевал дома, я оставляла занавес незадернутым. “Вспоминала детство”. Смотрела в окно над Илюшкиным столом – на листья, звезды и отблески станционных фонарей.

В последнее время Илья часто оставался на ночь у своих друзей. Мама каждый раз нервничала так, будто он отправился на войну. Нервничала она и в тех случаях, если он просто задерживался где-нибудь допоздна. “Это же не пустые страхи! Вы же знаете, в каком криминальном мире мы живем!” Надо сказать, Илья понимал мамину боязнь. Он ей твердо пообещал, что, если не приходит домой до одиннадцати вечера, то обязательно звонит: где он и что с ним. И всегда выполнял обещание, хотя порой и зубоскалил по этому поводу.

Вот и сегодня он позвонил за пять минут до “контрольного срока”. Мама схватила трубку в большой комнате, а я в коридоре (потому что тоже слегка беспокоилась).

– Мам, добрый вечер! Мы тут засиделись у Толика Гаевского, ты его знаешь... Ну, такое дело, идея одна проклюнулась, хакеры всего мира засохнут от зависти. Принцип двойного рикошета... Придется сидеть до ночи... Конечно, заночую. Ну, мама, это же лучше, чем пешком переть через полгорода, автобусы не ходят... Ну, я же не виноват, что дома нет компьютера. А у Толика машина супер-класс!.. Нет, не утром, а ближе к вечеру, раньше мы не управимся... Что?.. Мама, у меня всего неделя до начала сладкой студенческой каторги, я хочу потратить эти дни с максимальной пользой для человечества... Ты не волнуйся, Евдокия Петровна, это бабушка Толика, угощает нас кофе и капустными пирожками. И следит за нашим хорошим поведением...

– Ты даже забыл, что у твоей сестры завтра день рождения, – сказала мама.

– Что?.. А! Ничуть не забыл. Буду как раз к вечернему чаю.

Мама положила трубку. За Илюху она была теперь спокойна. Более или менее.

– Имей ввиду, с тебя подарок, – сообщила я братцу со своего аппарата.

– А, это ты, мучача! Как дела?

– Что это за идея двойного рикошета?

– Ну... потом попытаюсь втолковать, если интересно. Не телефонный разговор...

– Подумаешь, засекреченные гении... Днем какая-то девица приходила, тебя спрашивала.

– Катерина, что ли?

– Катерину я знаю. Эта незнакомая...

– Ну и ладно... – сказал он оч-чень равнодушно. – А впрочем... обрисуй, если помнишь.

– Ну... девица как девица. Малость рыжеватая. Судя по лицу, не совсем дура. И вообще ничего, вполне сексапильная сеньорита...

Я отчетливо представила, как он ненатурально вытаращил глаза:

– Че-во-о? Ты откуда слова-то такие знаешь?

– Здравствуй! Век спутникового телевидения, Илюшенька. И к тому же я не “нинья”.

– Я приду и покажу, кто ты такая! Взгрею по заднице!

– Давай, давай, – сказала я, вспомнив недавний урок дяди Кости. – Не забудь про подарок.

– Будет тебе подарок... Кабра синвергюэнца.

– Как-как?

Братец с удовольствием повторил. Он уже забросил испанский, но кое-какие выражения помнил. После разговора я посмотрела в словаре: что это значит? Оказалось “нахальная коза” (а как красиво звучит!). Но в тот момент, у телефона, я ничего не поняла и только сказала на всякий случай:

– Сам такой.

Он погоготал...

Разобравшись со словарем, я решила, что пора спать. Улеглась, выключила свою лампу на столике, занавес задергивать, конечно, не стала.

В окно как бы вдвинулась всей грудью августовская ночь: черное небо, еще более черное кружево кленов, переливчатые звездные огоньки в листве. И время от времени отблески на листьях – как пролетающие желтые птицы.

Громче стали звуки.

Мама любит повторять: “Мои дети выросли под вопли маневровых тепловозов”. Ну, вопли не вопли, а покрикивают локомотивы часто. И вагоны лязгают, когда их сцепляют и расцепляют. И голоса диспетчеров в динамиках такие, что порой можно разобрать слова: “Две цистерны – на седьмую!.. Осторожно, по третьему пути следует пассажирский!..”

Наш трехэтажный кирпичный дом на улице Машинистов стоит в пяти кварталах от станции “Сортировочная-2”. Почему она “два” и где находится “один”, для всех загадка. Впрочем, никто не ломает голову, привыкли. Станция большая и знаменитая. Особенно известной она стала после того, как на подступах к ней рванули два вагона с тротильными шашками для горных работ. Столкнулись со встречной цистерной и шарахнули.

Меня в ту пору еще на свете не было, а Илюхе шел четвертый год, и он, к счастью, в те дни жил на детсадовской даче. По всем зданиям в окрестных кварталах пошли тогда трещины, кое-где обвалились балконы. И лишь наша старая трехэтажка, которую строили еще в сороковых годах прошлого века пленные немцы, устояла без повреждений, только рамы со стеклами повывлетали. В наше окно влетел костыль с рельсовых путей, свистнул через большую комнату и открытую в коридор дверь, воткнулся в косяк у вешалки. Так воткнулся, что папа не смог вытащить. Махнул рукой: пусть торчит на память о грозном событии. Скоро папа привык вешать на костыль шинель и фуражку.

Этот квадратный стержень с загнутым концом торчит у косяка и теперь, только никто ничего на него уже не вешает...

В дверной щели был замечен свет. Это значит, мама еще не выключила свою лампу и лучи сквозь приоткрытую дверь большой комнаты падают в коридор. Наверно, мама лежит с книгой. Но, скорее всего она не читает а думает про Илюху. Тревожится. Не про то, как он сегодня там, у друга Толика, а вообще...

2

Я тоже стала думать про брата.

Я его люблю. Иногда мы спорим и ссоримся, но чаще всего это не по правде. Илюха добрый человек, хотя порой и норовит изобразить из себя такого взрослого наставника – снисходительного и насмешливого. В конце концов, что тут такого? Ведь он действительно старший и, к тому же, знает все на свете.

Лучше всего Илья разбирается в компьютерах (а я в этом деле “ни бум-бум”). До недавнего времени у нас дома был компьютер. Папин. Вернее, казенный. Когда папа стал работать в газете “Городские голоса”, компьютер ему выдали в редакции. А когда папы не стало, редакция оставила эту “систему” Илье. Сказали: “На память об отце”. На этой памяти Илья и осваивал “премудрости виртуальных миров” (это он так говорит). Но в конце концов система устарела. Тем более, что еще в редакции она была не из новых. Илья все чаще заводил разговор, что “это уже не машина, а экспонат, прошлый век”. И наконец разобрал компьютер на детали. Мама ахнула: “Как ты посмел! Это же папин!” Илья сказал, что пусть лучше папин компьютер продолжает приносить пользу людям – хотя и в разобранном виде, – чем пылится в углу простой грудой железа. Детали он унес к Толику Гаевскому, где они монтировали какой-то современный “суперкомплекс”.

Мама всплакнула, но больше упрекать Илью не стала. Потому что он, скорее всего, был прав. В самом деле, компьютерная наука требует постоянного технического роста.

Когда Илья кончил школу, все (и мы с мамой) были уверены, что он пойдет учиться на инженера-программиста. А он взял да и подал документы на философский факультет. Мама опять ахнула: “Ты с ума сошел? Зачем тебе это? Все говорят, что ты компьютерщик от Бога!”

Илюха объяснил, что хитрости программирования и компьютерной техники он в состоянии постигнуть сам. А философия нужна, чтобы “попытаться в максимальной степени освоить общие закономерности многослойных виртуальных пространств, которые все активнее вторгаются в мир нашего привычного трехмерного бытия и стараются подчинить его своим правилам”.

– Кроме того, – добавил брат, – на философский поступить легче. Там декан – классный мужик, взятку не берет. А на остальные факультеты – без “бабок” не невпротык.

Мама поморщилась:

– Илья, ну что за лексикон! Кажется, был интеллигентным мальчиком...

– Я такой и есть. Просто я адекватно реагирую на действительность.

Мама у нас тоже очень интеллигентная. У нее высшее филологическое образование. Она работает старшим товароведом в книготорговой фирме “Алфавит”. Должность эта вовсе не значит, что мама ведает куплей-продажей. Она занята “экспертной оценкой вновь поступающей литературы, в том числе иностранной”. Маму на работе ценят, время от времени дают премии и делают добавки к зарплате – в связи с инфляцией. Но денег все равно не хватает, даже с папиной пенсией. Заикаться о покупке нового компьютера было бы просто глупо, Илья это понимает...

Мама грустно предрекала, что на философский факультет Илюха не поступит. “Для этого нужны повышенные гуманитарные знания”. Но брат поступил шутя – будто несколько орехов щелкнул. И теперь, до начала первого семестра, “дышал воздухом свободы”. То есть вместе с Толиком Гаевским и еще с двумя такими же ненормальными корпел днями и ночами над их коллективным “суперкомплексом”...

Щель в двери погасла. Светили только звезды в окне – редкие, но ясные. Шум железной дороги был таким привычным, что я его не замечала. Он казался частью тишины. А вот шебуршащий звук в этой тишине я уловила сразу. Кто-то скребся в оконное стекло. Тихонько так.

Я не испугалась. Почему-то представился глупый котенок, который удрал из дома, нагулялся и хочет вернуться, но перепутал форточки. Конечно, это фантазия, но... вдруг по правде?

Я осторожно забралась на Илюхин стол, потом на подоконник. Форточка была открыта (на третьем этаже это не опасно). В свете звезд и проблесках прожекторов я увидела разлапистый кленовый лист. Черенком он зацепился за оконный переплет ниже форточки, шевелился в струйках воздуха и скреб острыми зубчиками о стекло. Будто настоящий котенок, который просится в дом. Я встала на цыпочки, высунула руку, дотянулась до листа. Ухватила за “хвостик”. Стараясь не шуметь, слезла со стола (при этом чуть не зацепила лампу).

Лист был подсохший, напружиненный.

– Ты чего это вздумал желтеть раньше срока? Еще лето...

Он шевельнулся, будто неслышно хмыкнул. Мол, какое там лето, не обманывай себя, неделя до сентября...

– Вовсе не неделя, а девять дней...

Лист больше не спорил.

Я легла, положила лист на грудь. Вернее, посадила. Его зубчатые концы были изогнуты, он оперся на них, как на лапки. Я вспомнила, что когда-то читала стихи (не помню, чьи) про такой подсохший лист – как он под осенним ветерком спешил на своих лапках за прохожим, а потом пропал куда-то...

Я погладила упругую спинку.

– Не бойся, ты у меня не пропадешь. Переночуешь здесь, а утром найдем тебе дом...

“Где?”

– Я положу тебя в книгу Александра Степановича, в свою любимую. Потому что ты появился здесь накануне его дня рождения...

Писатель Грин и я, Евгения Мезенцева, родились в один день, двадцать третьего августа. Только Александр Степанович гораздо раньше меня, в позапрошлом веке. Ну и пусть в позапрошлом, все равно мне кажется, что есть между нами какая-то ниточка. Будто свои книги он писал специально для меня, для Женьки. “Алые паруса” я прочла еще в семь лет и просто обалдела (хотя Илюха хмыкал: “Что ты там понимаешь...”). А потом любимым рассказом стал для меня “Гнев отца”. Про то, как мальчишка Том ждет из плавания отца-капитана, тоскует по нему... Этот рассказ мне попался в книге, когда папы уже не было, и я... ну да, хорошо, что дома никого не оказалось. А то сразу бы: “Что с тобой, почему лицо зареванное?” В рассказе хороший конец, и я не завидовала Тому, я была рада, что его отец вернулся, а слезы... как тут объяснишь?

Чтобы не измять лист во сне, я пересадила его на стул рядом с кроватью. И стала засыпать. Это было медленное засыпание, когда перемешиваются явь и сон. Мысли и вопросы перепутываются с возникающими, как телекадры, картинками. Мне стало казаться, что я на песчаном морском берегу и бегут к босым ногам шипучие гребешки, а от горизонта движется корабль с алыми парусами. Наверно, галиот капитана Грея. Только паруса на этот раз не ровноталые, а с узором из кленовых листьев – таких же ярко-красных, как на канадском флаге (а интересно, какого цвета *мой* лист; в темноте-то не разглядеть). Я хочу, чтобы корабль развернулся бортом, показал все паруса, рангоут и такелаж. Тогда я смогу наконец разглядеть – что это за тип судна – “трехмачтовый галиот”?

Раньше я думала, что галиот – парусник вроде того, который на Илюшкиной детской рубашке. Когда Илюшка был еще пацаненком (вроде Лоськи или чуть постарше), он часто ходил в трикотажном летнем костюмчике – пестром, сине-зеленом, с якорями и красным кораблем на рубашке-водолазке. Мне этот костюм очень нравился. Когда мы подросли, Илья несколько раз предлагал: “Возьми себе”. Потому что такой наряд годится и для мальчишек, и для девчонок. Но я сопела и мотала головой: не надо. Дело в том, что есть большой цветной фотоснимок, где мы с Илюшкой и он как раз в этой одежде с парусами. Мы сидим на лодочном причале, болтаем в воде ногами и хохочем. И брызги вокруг, и в них даже маленькая радуга!.. Нас папа сфотографировал, когда мы ездили на дачу к его знакомым.

Это был последний снимок, который сделал папа. И мне казалось, что если я натяну Илюшкин костюм, что-то нарушится в *том пространстве*. В мире, который был еще при папе. И если папа *там, где он теперь*, что-то помнит и чувствует, ему будет обидно... Кстати, я и фотографироваться больше не хотела. За все время, когда уже не было папы, не снялась ни разу. И говорила, что не буду. Илья сказал:

– Для паспорта все равно придется.

– Ну, для паспорта пусть. Это государство велит. А просто так не хочу...

Паруса с кленовыми листьями придвинулись вплотную. Сквозь листья смотрел не капитан Грей, а какой-то грустный мальчишка, наверно, Том Беринг из рассказа “Гнев отца”. Потом он превратился в Лоську, а тот взмахами рук перемешал красную листву, превратил ее в вихрь и улетел на нем, болтая босыми ногами...

3

Утром оказалось, что лист – ярко-желтый, как солнышко. Будто нарочно стал таким праздничным, чтобы поздравить меня. Я ему улыбнулась. Потом хотела положить в пятый том

Грина (где рассказ “Гнев отца”), но лист не помещался. Я сказала ему “ладно, придумаем что-нибудь” и на время прицепила булавкой к шторе.

Мама появилась на пороге.

– Доброе утро, засоня. С днем рождения.

– Ага... спасибо.

– Вот тебе подарки...

Ну, прежде всего, конечно, колготки, это уж в любой праздник. А еще авторучка – видимо, дорогая, в коробочке, обтянутой чем-то вроде кожи.

– Будешь без хлопот писать всякие свои дневники и сочинения. А то постоянно у Ильи ручки выпрашиваешь...

– Спасибо, мамочка...

– А это подарок от дяди Кости...

– Что? Еще одна авторучка?!

– Не знаю, я не открывала. Он просил передать и поздравить, потому что сам зайти не может, уехал в командировку.

– Жаль...

Мне и правда было жаль. Уж дяде Косте-то я всегда радовалась...

– Мне пора на базу. Колбаса в холодильнике, пюре сделаешь сама, свежее... А еще в холодильнике два тортика. Один на вечер, другой в твоём распоряжении...

– Ну, мама! Ты же знаешь...

– Знаю. Это не для тебя, а если гости...

– Господи, какие гости! Никого я не звала.

– Не звала, а все равно кто-нибудь наведается...

Мама оказалась права. В десять с минутами появился Лоська. Прямо как в песенке: “Кто ходит в гости по утрам... парам-там-там, тарам-тарам...”

Он встал на пороге – как всегда неумытый, с торчащими смоляными сосульками волос. Видимо, ради “гостевого визита” надел он чистую белую футболку, но штаны на нем были все те же – похожие на обрезанные у колен казацкие шаровары, пыльно-сизые, с замызганными желтыми лампасами. И, конечно, привычные сандалеты из расхлябанных и порванных ремешков, только не на босу ногу, а теперь с ярко-синими носочками. Лоська переступил этими “лаптями”, глянул исподлобья марсианскими глазищами и тихо, но отчетливо сказал:

– Здравствуй, Женья.

– Здравствуй, – вздохнула я. – Проходи... ранняя птичка.

– Да... подожди. Я тебя поздравляю... сейчас... – Лоська по локоть запустил руку в карман необъятных штанов и вытащил... стеклянный глобус! Размером с маленькое яблоко.

“Ух ты-ы!..”

Конечно, он знал про мою любовь к “глобусятам”. У меня была небольшая коллекция. Два обычных “глобусенка” – совсем как настоящие, только махонькие, а еще – глобус-брелок (подарок Илюхи), крохотный глобус под вид старинного (Люка подарила в прошлом году), желтый пластмассовый – как из слоновой кости, резиновый глобус-мячик в плетеной сетке, которая изображала параллели и меридианы... А о таком вот, “хрустальном”, я только мечтала. Года два назад прозрачные глобусята на блестящих желтых подставках появились в сувенирных магазинах и стоили бешеных денег. Потом их стали продавать на Рябиновом бульваре, куда художники и мастера выносят для покупателей свой товар: картины, камнерезные шка тулки и сувениры, берестяные туески и гипсовые копилки. Здесь стеклянный глобус-малютку можно было купить подешевле, но все равно не меньше, чем за семьдесят рублей.

– Ой, Лоська... где ты его взял?

– Разумеется, на бульваре... Да не бойся, не украл, – сказал он холодно.

– Я понимаю, но он же дорожный. Деньги-то откуда?

Лоська опять глянул исподлобья: “Притворяешься или правда не понимаешь?”

– Опять играл. Да?

– А что такого? Все играют. Я не для себя, а для подарка...

– Ох Лоська-Лоська...

И вдруг я опомнилась. Даже дала себе мысленно оплеуху. Дура! Человек старался, прибежал поздравить от всей души...

– Спасибо, Лосенок! Он будет самый замечательный в коллекции! Будет сверкать, как бриллиантовый!

Лоськино лицо сразу засветилось.

– Да... и он знаешь какой? Не только, чтобы любоваться, но и для всякой пользы. Ведь океанов-то на Земле больше, чем суши, а они здесь прозрачные...

– Да... красиво.

– Не в том дело, что красиво. Они всё увеличивают почти как микроскоп. Смотри. Царапинка крохотная, а если глянешь – вон какая... – Лоська согнул левый мизинец, поднес к нему глобус. И чуть заметная ссадинка на костяшке, увиденная сквозь толщу стеклянных океанов, сделалась как здоровенная короста на коленке.

– Удивительно... – вежливо сказала я.

– А еще им можно выжигать, как линзой. Я уже пробовал. Был вчера там... у дерева... и выжег на скамейке целое слово.

– Какое слово, Лоська?

Он глянул удивленно:

– Ну... разумеется, “Умка”.

Мы погрустили несколько секунд, думая об Умке. Потом я взяла глобусенка левой рукой, а правой – Лоську за плечо.

– Пойдем, Лосик. Хочешь чаю с тортом?

– Да. С удовольствием, – он сбросил у порога ременчатые “лапти”.

Мы устроились на кухне, скромненько. Не накрывать же ради двоих большой стол. Лоська сидел на табурете, покачивая синими носочками и смотрел то на сверкающий посреди подоконника глобус, то на меня. Я включила чайник и поставила торт. А себе еще раньше, до Лоськи, я сделала бутерброды с помидорами и майонезом.

Лоська вдруг сказал:

– Женя, ты сегодня красивая.

Я чуть палец ножом не отхватила.

– Ну, Лось! Высказался!

– Женя, я говорю серьезно.

Кстати, он всегда говорит серьезно и правдиво. И я... сперва я хотела ответить, что сколько ни обматывай швабру мишурой, новогодней елкой она не станет. Но спохватилась. Что делать, если я и правда кажусь Лоське *такой* ...

С утра я натянула мамин подарок – красные с черными мушками колготки, – черную плиссированную юбку и тонкий вишневый джемпер с черным узором на груди. И надела цепочку с похожим на вишенку родонитовым шариком (тоже почти глобусенок). Никого я не ждала, но... все таки именинница. Конечно, этот наряд и толкнул Лоську на его высказывание. “Ладно, пусть”, – вздохнула я. И вспомнила:

– Ох, Лоська, а откуда ты узнал про мой день рождения? Я тебе не говорила.

– Люка сказала. Я ее вчера встретил в овощном магазине. Я покупал капусту, а она бананы. Дала мне банан и сказала про тебя. Наверно, она тоже скоро придет.

“Это уж само собой”, – подумала я. И Лючка словно откликнулась на вызов, позвонила у двери.

Она чмокнула губами мою щеку, прошла впереди меня на кухню, сказала “Лоська, салют” и протянула мне косметичку из клеенки, похожей на крокодиловую кожу.

– Поздравляю. Расти большой я тебе не желаю, хватит и того, что есть. А за внешностью следить пора как следует. Ты в классе единственная, кто ни разу не красился. Из девчонок, конечно...

Тут я наконец сказала про швабру и мишуру.

– Ты просто закомплексована, – заявила Люка. – Вбила себе в голову, что уродина. А при некоторых усилиях ты могла бы иметь очень импозантную внешность.

– Чево-чево? – сказала я Илюхиным тоном. – Лоська, дай мне вон тот кусок торта, я засуну его Лючке за шиворот.

– Можно я лучше его съем?

– Ешь на здоровье. А я засуну ей этот бутерброд...

Люка покосилась на бутерброд.

– Ты так и будешь сидеть на своей дурацкой диете, без грамма сладкого?

– Так и буду...

Еще год назад я была не только большая, но и... так сказать, чересчур кругловатая. Это меня доводило до отчаяния. И наконец я дала себе страшную клятву, что с этого дня – никаких пирожных, кексов, тортов, жирного печенья, шоколада, сладких пирожков и всего такого прочего. Мама была в панике. Илья утверждал, что, во-первых, я не выдержу больше недели, а во вторых, если и выдержу, это все равно не поможет. Но я выдержала, и *это* помогло. Рост, конечно, не убавился, но я сделалась “скелет в шкафу” (по Илюхиным словам). Мама повздыхала и махнула рукой, а брат сказал: “Моя степень уважения к тебе возросла на порядок”. А потом я... да, я поняла, что сладостей, о которых я раньше обмирала, мне уже не хочется. Даже нарочно попробовала шоколад и слоеное пирожное – и ноль впечатления. Теперь мне нравились майонез, селедка и маринованные рыжики. Вот такая история...

Люка требовала, чтобы я немедленно попробовала на себе косметику, но я показала глазами на Лоську и крутнула пальцем у виска.

Лоська в наши разговоры деликатно не встречал. Молча глотал чай, расправился со спасенным куском торта, потом еще с одним и еще... Он старался есть аккуратно, ложечкой, но иногда забывался, спешил и вытирал пальцы о свои многострадальные штаны. Мы с Люкой тоже сели к столу. Люка вдруг посмотрела на Лоську.

– Слушай, ты заболеешь. Один ребенок не может сразу съесть столько торта.

– Я же не совсем уже ребенок, – миролюбиво разъяснил он и глянул на меня: можно еще?

Я наконец сообразила:

– Лосенок, ты, наверно, не завтракал!

Он посопел и кивнул:

– Мама, когда уходила, сказала “пожарь картошку”. А мне было лень чистить.

– Давай я тебе яичницу сделаю, это лучше чем торт.

Он покачал опять синими носочками и сказал шепотом:

– Если не трудно...

Я поставила на газ сковородку, покрошила молочную колбасу, залила ее белками и желтками. Скоро Лоська, уже не думая о торте, уплетал глазунью, и его щеки (и без того чумадые) украсились желтыми полосками. А мы с Люкой пили чай, и та продолжала разговор о подаренной косметике. О том, какая она качественная, французская и популярная. Мне оставалось только кивать.

Лючка – она не то чтобы красавица, но уж-жасно обаятельная (это все говорят). С золотистыми кудрями, алым ртом, зелеными глазами. Вся такая тоненькая, будто девочка Суок из “Трех толстяков”. И улыбаться умеет так, что мальчишки млеют. Манеры у Люки отработаны. Она занимается в эстрадном детском ансамбле “Гадкие утята”, манерам там специально учат.

И косметикой пользоваться учат. В ансамбле это не мода, а необходимость – чтобы танцоры и певцы выразительнее смотрелись на сцене. Так не раз объясняла Люка.

4

Недавно я была на концерте “Гадких утят” во Дворце детского творчества – Люка меня туда почти насильно притащила, потому что к эстраде я совершенно равнодушна. Я высидела до конца и даже вежливо похвалила. А сейчас она опять принялась вспоминать это выступление.

– Помнишь ту песню, “Еду-еду я...”? Ее теперь все напевают. Просто шлягер получился. Лучшее произведение нашего Костика.

Костик (а еще “Костюньчик” и “Костячок-толстячок” – это не в глаза, конечно) был руководитель ансамбля. Кругленький, пожилой, но очень бодрый, с лысинкой-блюдцем и жизнерадостным лицом. В общем-то славный. Но песенку щадить я не стала. Она показалась мне такой глупой, что запомнилась от начала до конца. Даже привязалась и порой вертелась в голове.

Еду-еду я в авто
И гляжу на белый свет.
В поле зренья все не то
И тебя в том поле нет.
Ты меня не разлюби!
Би-би-би!
Би-би-би!

Я уселся в самолет
И гляжу я с высоты.
На душе тоска, как лед:
Где же ты? Где же ты?
Я страдаю на лету.
Ту-ту-ту!
Ту-ту-ту!

Я пешком по всей Земле
Обошел сто тысяч верст.
Плавал я на корабле,
Средь морей холодных мёрз.
На каком ты берегу?
Гу-гу-гу!
Гу-гу-гу!

Вот на берег я сошел
И смотрю – навстречу ты!
Сразу стало хорошо,
И в душе моей – цветы!
Расцвела моя мечта!
Тра-та-та!
Тра-та-та!

Мы с Лючкой подруги с незапамятных, с ясельных времен и поэтому не боимся говорить друг другу все, что думаем.

– Ужасно примитивная песня. Для дикарей с острова Нямба-Бамба. “Би-би-би”, “гу-гу-гу”... А если бы последняя строчка была “И сошли мы с корабля”?

Люка сморщила переносицу:

– Фу! При ребенке...

Я хмыкнула про себя. “Ребенок” в тех местах, где он бывает, слышит и не такое. Хотя... в самом деле нехорошо. Впрочем, Лоська заскребал сковородку и не обращал на нашу беседу внимания (или делал вид).

Люка продолжила мое воспитание. Голосом нашей классной Олимпиада Андриановны:

– Ты, Евгения, циничная особа. Несмотря на то, что из культурной семьи...

– Не циничная, а прямолинейная. Сказано: “Не родись красивой, а родись правдивой”...

– Не “правдивой”, а “счастливой”. Или ты думаешь, счастье там, где правда? – словно драматург Островский из учебника спросила Лючка.

– Ну, если судьба красотой не наградила... Хорошо вам в “Утятах”, вы там все такие... стройные и фотогеничные.

Люка пригорюнилась и сказала, что им в ансамбле совсем не хорошо. Могут закрыть.

– И все другие творческие коллективы тоже...

– Почему?!

– Из-за ППЦ. Ты разве ничего не слышала? Даже по вечернему каналу в местных “Новостях” говорили.

Я ничего такого не слышала (и канал-то этот почти не смотрю, там только про грабежи и аварии на дорогах).

– А что такое ППЦ?

– Ну, темнота... Не “что”, а “кто”! “Полномочный представитель центра”. Из Москвы прислали чиновника, милицейского генерала, будет здесь главным. В столице недовольны, что у губернаторов стало слишком много власти, вот и рассылают по стране таких представителей, чтобы наблюдали и руководили. Укрепляли “стержень централизованной власти”.. Ты правда, что ли, не в курсе?

– А при чем Дворец?

– Да пойми же ты! Губернатор где располагается? В ре-зи-ден-ции! В бывшем роскошном доме миллионера Кунгурова, в памятнике старины. А его московский начальник разве захочет сидеть в обычном кабинете? Ему тоже резиденция нужна, да получше губернаторской, чтобы не потерять имидж. Вот и приглядели для него наш Дворец.

– Совсем офонарели, да? Выгонять тыщу ребят ради одного генерала!

– Во-первых, не тыщу, а почти две. А во вторых, ради не одного генерала, а со свитой. Знаешь, сколько у него будет заместителей! А у тех – свои заместители, референты, секретари, курьеры. Охрана... А дворцовские кружки, говорят, растолкают по разным клубам. Ну, их-то, может, и растолкают, а такие коллективы, как наш – куда? Театральный, оркестровый... В субботу все ребята и взрослые работники Дворца хотят пикеты устроить на площади. С плакатами.

– Лючка, я тоже пойду!

– Пойдем.

– И я, – облизав вилку, сказал Лоська.

– Обязательно, – сказала я. – Ты этого генерала сразу перепугаешь, такое чучело. Как ты ухитришься извозиться за несколько минут? Иди умывайся...

– Ладно. Спасибо за яичницу. И за торт... – Лоська выбрался из-за стола, поддернул штаны и пошел в ванную. Я за ним, чтобы умыть “чучело” собственноручно, а то измажет полотенце.

Лоська не противился, только фыркал. Люка в это время убрала со стола. И сказала, что теперь ей “срочно надо еще в одно место”.

– Вечером позвоню. Пока...

Мы с Лоськой остались одни и посмотрели друг на друга.

– Может, погуляем? – спросила я.

– Давай!

– А куда пойдем?

– Может быть, туда... к дереву? – Он слегка затуманился. – Или... это слишком печально для дня рожденья, да?

– Нормально...

И мы пошли на пустырь за сгоревшей табачной фабрикой. Это было довольно далеко, но нам куда спешить? Мы брели по переулкам, где ярко, почти как в мае, вновь цвели одуванчики. Было солнечно, однако совсем не жарко, хорошо так. Говорили о недавнем телесериале про пришельцев (чепуха сплошная, одно и то же, надоело), о том, что скоро в школу, а неохота; о моих глобусах, о новом появлении НЛО над деревней Кулябкой, о сбежавшем из цирка трехметровом удаве (жаль, что поймали, не добрался до родины) и ни о чем серьезном.

На пустыре, заваленном кирпичными горами от разломанных домов было безлюдно, летали бабочки. Мы подошли к вековому полусохшему тополю. В метре от него среди лопухов можно было разглядеть плоский полуметровый холмик, укрытый дерном. Мы сорвали несколько диких ромашек, положили на холмик. Постояли с полминуты. Лоська потянул меня за рукав:

– Пойдем, покажу...

В двух шагах стояла среди высокой сурепки оставшаяся от давних времен лавочка – доска на двух столбиках.

– Вот... – На краю доски были выжжены кривые буквы: У м к а.

Лоська сел, погладил надпись мизинцем. Я села рядышком... Конечно, это была прежде всего Лоськина печаль. А моя – уже через него. Ведь я-то даже не видела Умку живым. Но все равно... Мы посидели, помолчали. Потом, чтобы ослабить Лоськину грусть, я спросила:

– В последней игре у тебя сколько было противников?

– Много...

– Ну и как? У всех выиграл.

Лоська вздохнул:

– Не... Одна ничья.

Я ладонью прошлась по его волосам-сосулькам. Он сразу заулыбался. Осторожненько придвинулся плечом. Но почти тут же встряхнулся, вспомнил:

– Домой пора. Мама придет на обед, скажет: где картошка?

Стеклянные океаны

1

Дома было пусто и солнечно. Сверкал хрустальный глобусенок. Сверкали латунные замочкина футлярах подаренных авторучек. Я вспомнила, что так и не посмотрела: какую ручку преподнес мне дядя Костя. Бессовестная...

...Дядя Костя – наш добрый знакомый. Когда он был в старших классах, занимался математикой с моим дедом, маминым отцом, и часто приходил к нему домой, в квартирку при институтском общежитии. Там и познакомился с девчонкой-дошкольницей Валею. Между ними завязалась вроде бы шутивая, но долгая дружба. Когда дед умер (маме было тогда всего восемь лет), Костя навещал “подружку-дюймовочку”, а потом писал ей письма из училища и с разных мест службы. Долгие годы он служил в окраинных областях. А вскоре после того, как погиб папа, дядя Костя перевелся в наш город. Стал заходить в гости и незаметно так опекать нас. Мама даже призналась, что однажды он сделал ей предложение.

– И ты отказалась? – укоризненно спросил Илья. – Старый, да?

Мама объяснила, что дело не в десяти годах разницы и что “Костя, чудесный человек”, но она не может забыть Сережу, нашего папу. Дядя Костя больше предложений не делал, но дружить с нами не перестал. По-прежнему заходил “на огонек”, занимался с Ильей немецким языком, а меня учил всяким полезным вещам и порой рассказывал интересные случаи из своей жизни.

Был дядя Костя высокий, сутуловатый, с залысинами, похожий (так мне почему-то казалось) на учителя истории. Те, кто не знал, никогда бы не сказали, что он недавний военный, полковник в отставке. Во время афганской войны был дядя Костя командиром горно-стрелкового батальона, вернулся с медалями и орденом Красной звезды. Илюха однажды спросил: за что орден? Дядя Костя пожал плечами:

– Сам не пойму. В героические схватки лишний раз не рвался. Главной задачей считал сохранить своих ребят...

– Всех, наверно, там все равно было не сохранить... – насупленно подал голос Илья.

– В том-то и беда... Непостижимое это дело: только что был живой паренек и вдруг – нет его... Слава Богу, тебе это не грозит.

Когда Илюшке было семь лет, он с друзьями на дворе пускал по воздуху “летающие блюда” – жестяные крышки от консервных банок. Одна крышка чиркнула его по глазу. С той поры глаз плохо видел и случалось, что воспалялся. Сколько ни ходили по врачам, вылечить так и не смогли. Снаружи ничего не было заметно, но допризывная комиссия брата забраковала начисто. Мама сказала тогда: “Тут не знаешь даже, горевать или радоваться”. Илья не горевал и не радовался, он считал, что судьба есть судьба. Одно слово, философ...

Да, но с чего это дядя Костя решил дарить авторучку? Раньше он придумывал подарки пооригинальнее. Я наконец открыла футляр... О-о-о!..

Ручки не было. На малиновом бархате лежали шесть золотистых монеток!

Не подумайте, будто я решила, что золотые! Ни на кой мне это не надо! Я увидела сразу, что на монетках – парусные кораблики. Разные!..

К внутренней стороне крышки была прижата резинкой свернутая бумажка. Я раскрутила. Дядя Костя писал:

“Свет Евгения! Мне ведомо, что ты не увлекаешься нумизматикой, но ведомо также твоя любовь к парусам. Волею случая (от старого приятеля) эти иностранные денежки попали ко мне, и я решил, что они вполне годятся для именинного подарка. Из каких они краев и что

там за корабли, ты разберешься лучше меня, я в таких вопросах профан. Прими поздравления и полный набор соответствующих пожеланий. Маме и новоиспеченному студюозусу – привет. Жму твою крепкую лапу. Приеду через неделю, забреду на чаек. Твой преданный поклонник К.П.”

“К.П.” – значит, Константин Петрович, хотя мы с Ильей всегда звали его дядей Костей...

Я, *тая* от тихого восторга, принялась разглядывать монетки. Они были небольшие – с российский двухрублевик или чуть поменьше. Но зато в два раза толще. Эдакие металлические таблетки. Одна сторона у всех была почти одинаковая – портрет английской королевы (“QUEEN ELISABETH THE SECOND”), только годы выпуска разные – от 1991 до 1994. Зато на другой... То бригантина, то шхуна, то фрегат! Сверху по дуге шли слова: “BAILIWICK OF JERSEY”, а снизу – “ONE POUND”. Ну, понятно, один фунт. А что касается “Джерси”, то это, вроде бы, маленький остров, британское владение. Надо же, свою монету чеканит, как большое государство!.. По толстому ребристому боку тоже тянулась надпись: “INSULACAESAREA”. Это было непонятно... Ну да ладно! Главное – парусники.

Я положила монетки в ряд и почти сразу поняла: здесь почти все основные типы парусных судов. Конечно, не всякие там галиоты, каракки, флейты и каравеллы, а те, что входят в разряд современных: фрегат, барк, бриг, бригантина, две шхуны – марсельная и гафельная... Не было только баркентины. Может, серия неполная, или там, на острове Джерси, про баркентины не знали?

И вообще что это за суда? Почему попали на монеты? Ведь не просто бриг там или шхуна, а со своими названиями. Крохотные подписи были выбиты под каждым корабликом. Кое-какие буквы были различимы (и цифры тоже – видимо, год постройки), но прочитать ни одно слово полностью я не могла. И – конечно же! – вспомнила про Лоськины “стеклянные океаны”. Схватила тяжелый прозрачный шарик. Материки были матовые, но океанов-то на Земле больше, чем суши! Буквы-микробы за выпуклым стеклом вмиг выросли – читай на здоровье!

Вот какую эскадру подарил дядя Костя:

Фрегат “Persy Douglas”. 1861.

Бриг “Hebe”. 1861.

Барк “Gemini”. 1864.

Бригантина(шхуна-бриг) “Century”. 1866.

Марсельнаяшхуна “Resolute”. 1877.

Гафельнаяшхуна “Tickler”. 1899.

Надо будет, конечно, узнать о них поподробнее. В словарях пошарю, в книжках. Но это потом. А пока я просто любовалась корабликами. Они были отчеканены на золотистом сплаве с такой ювелирной тонкостью, словно здесь работал какой-то “левша”.

Этот мастер почти каждое судно изобразил с полной парусностью (только марсельная шхуна была без топселей).

Я решила, что корабли идут под брамсельным ветром. Он такой, без штормового бешенства, ровный, упругий, позволяет нести брамсели – те, что высоко на брам-реях... Хотя нет, здесь я немного лукавила. Ведь на “Перси Дугласе”, “Джемини” и “Гебе” были поставлены и бом-брамсели. Значит и ветер – бом-брамсельный. Но мне эта приставка “бом” всегда не нравилась (есть в ней что-то легкомысленное). Просто “брамсельный ветер” звучит гораздо лучше. И я решила, что капитаны захотели рискнуть, поставили при брамсельном ветре и самые верхние паруса (а на “Резольюте”, кстати, не поставили, проявили благоразумие)...

Я мурлыкала слегка переделанные строчки – “А ну-ка, брамсельный, пропой нам песню, ветер...” – и все разглядывала золотистую эскадру. То просто так, то через волшебный Лоськин глобус. Молодец дядя Костя! И молодец Лоська! Его стеклянные океаны – словно специально для сверкающих парусов! Одно к одному! Как только придет, сразу покажу ему монеты! Лоська, он понятливый. И брамсельный ветер он ощутит сразу...

Вспомнилось, как мы познакомились...

2

Это случилось в конце июня, когда я после скандала вернулась из летнего лагеря. Я “отходила от событий” и часто бродила по улицам одна, просто так. И забрела на пустырь у табачной фабрики. Я вообще люблю пустыри (ненормальная, да?) Мне кажется, там среди иван-чая и репейников прячется прошлая жизнь. Лежит невидимыми прозрачными пластами среди развалин домов, над кучами мусора, над раскиданными в траве ненужными вещами. Ну, не сама жизнь, а память о ней... А разве это не одно и то же? Только память – это прошлая жизнь. Она от нынешней отличается лишь тем, что в ней ничего нельзя изменить. Ни плохое, ни хорошее. Я стараюсь вспоминать хорошее. Например, как мы с Илюшкой сидим на лодочных мостках, бултыхаем ногами и хохочем, а папа наводит аппарат. Пусть это будет *всегда* ...

Так вот я бродила, шебурша джинсами по лопухам и желтоголовой пижме, и вышла к большущему тополю. Некоторые ветки его были сухие, а на других – редкие листья. Старик уже. Но у могучего ствола курчавилась молодая поросль.

За этой порослью сопел и копался в земле мальчишка лет девяти. Или десяти. Чуть постарше тех, с кем я дружила в лагере. Он был в мешковатой рыжей майке, широченных штанах до колен, нечесанный и, кажется, сердитый. Я села в трех шагах от него на косую лавочку. Мальчишка глянул через плечо и снова согнулся. Майка натянулась на спине, проступили позвонки.

– Ты что делаешь? – тихонько спросила я.

Он не огрызнулся, просто сказал, не оглянувшись:

– Рою...

– Клад ищешь, да?

Он дернул спиной: чего, мол, чепуху-то молоть? И продолжал ковырять землю походной лопаткой. Потом негромко выговорил:

– Кота хороню...

– Какого кота? – У меня почему-то натянулись нервы. Мальчишка выпрямился, встал ко мне в полоборота, подбородком показал на лежавший в подорожниках тряпичный сверток. Я шагнула, села на корточки, мальчишка тоже. Быстро глянул на меня, подумал секунду и откинул края цветастой тряпицы. На ситцевом лоскуте лежал худой серый кот со славной мордашкой. Он будто спал, прижав к свалывшейся на груди шерсти согнутые лапы. Но через голову от уха до шеи тянулся рубец с засохшей кровью

– Кто его так? – шепнула я.

Мальчишка сипло сказал:

– Если бы я знал...

– Это твой кот?

Он мотнул головой с темными волосами-сосульками.

– Нет. Наверно, он ничей, сам по себе... Просто мы тут встречались. Первый раз еще в апреле, а дальше почти каждый день. Я ему поесть приносил... А потом мы сидели рядышком... Знаешь, он иногда терся мордой о рукав и мурчал... А сегодня я пришел, а он лежит... вот такой... Кому помешал? – Мальчишка переглотнул, кожа на его тонком горле дернулась. Но он не заплакал. Я тоже переглотнула.

Казалось, ну какая тут печаль? И кот незнакомый, и... столько всего было в жизни, настоящему горького. Здесь-то чего слезы глотать. А вот надо же, заскребло...

Я осторожно закрыла беднягу краями лоскута. Глянула на мальчишку. Он опустил лицо и стал дуть на ладони – видать, намозолил. Я посмотрела на ямку, которую он старался вырыть – она была совсем неглубокая..

– Давай помогу.

– Помоги, если хочешь. Я только полминуты передохну...

Лопатка была довольно острая. Легко резала тонкие корни и глинистые комки. Но это у меня легко. Надо сказать, я сильная. А у мальчонки-то руки-прутики. И все же он очень скоро сказал;

– Ну, все. Теперь я.

– Подожди. Я же только начала.

– Нет, теперь я... – И потянул лопатку. Я отдала, но через минуту взяла снова. Скоро мы углубились больше, чем на полметра.

– Хватит, наверно? – выдохнула я.

– Да... – Он опять приоткрыл кота, быстро, почти украдкой, погладил его, завернул, поднял, прижал к груди. – Я сейчас... положу.

– Постой...

Я быстро отошла, нарвала лопухов, застелила внутри рыжую от глины яму (из нее почему-то пахло картофельными грядками).

Мы вместе уложили кота. И сверху тоже закрыли лопухами. Потом засыпали – мальчишка лопаткой, я ладонями. Слегка прихлопали землю.

– Давай положим сверху дерн...

Мальчишка смотрел вопросительно: не знал, наверно, что такое дерн. Глаза у него были странные – темно синие, с длинным разрезом, почти до висков. Как на портретах персонажей древне-индийского эпоса (а, может, вообще как у инопланетянина). Нос же – совсем не индийский, “ванькин”, картошка с двумя дырками... Я лопаткой вырубил прямоугольник земляного слоя с подорожниками и клевером. Мальчишка понял, стал помогать, мы вместе уложили дерновый пласт на глину. Выпрямились.

– А не слишком заметно? – Он опасливо глянул из-за плеча. – Вдруг разроет кто-нибудь. Назло...

– Кто не знает, не обратит внимания...

Кажется, мальчишка всхлипнул. Чуть-чуть.

– Знаешь, все-таки хорошо, что он жил на свете, – сказала я. – Он тебя радовал. Ты будешь его помнить. И получится, будто он все еще живет...

Мальчишка то ли кивнул, то ли уронил голову. Шепнул:

– Да... Я... наверно, буду сюда приходить...

– А как его звали... то есть как зовут?

– Как по правде, не знаю. А я звал “Умка”. Он откликался.

– Значит, Умка и есть... А тебя как звать?

Он сказал без охоты, но сразу:

– Лоська.

– Это... от какого полного имени?

– Все-во-лод... – толчками выдохнул он шепот.

– Тогда почему не Сева? – Я говорила, чтобы отвлечь его, потому что боялась: вдруг заплачет (да и сама могла).

– Не знаю... – устало выговорил Лоська. – Так зовут с давних пор... А иногда – “Лосёнок”. Это мама...

В нем, несмотря на беспризорный вид, не было никакой ошетиенности. К другому такому попробуй сунуться с вопросами, пошлет на край света и еще добавит вслед. А этот... может, просто обмяк от горя?.. Имя “Лосёнок” ему подходило. Такой же лобастый, губастый, с тонкими ногами-руками и, кажется, доверчивый. Ну, наверно, не со всяким доверчивый, но со мной-то по-хорошему...

– А я Женя. – И добавила, чтобы внести ясность. – Мезенцева.

Лоська понял. И, кажется, чуть улынулся:

– Я сперва подумал, что ты парень. Не разглядел.

– Немудрено... – хмыкнула я. В самом деле – волосы, подстриженные по уши, джинсы, мальчишечья футболка. И под футболкой... ничегошеньки незаметно. Разве если только очень приглядеться...

– Нет, теперь-то я понял, – Лоська улыбнулся заметнее. – Парни такими не бывают.

– Какими “такими”?

– Ну... ты заботливая. – И он втянул воздух носом-картошкой.

Я с облечением сменила тон:

– Да. Очень заботливая. И главная забота о твоём умывании. Посмотри, ты весь перемазанный.

Он и правда был в земле и глине, в травяном соке, в прилипших стеблях и листиках. Даже в волосах глиняные крошки.

Лоська не стал спорить.

– Да, здесь недалеко есть колонка.

– Какая колонка! Тебе надо в ванну с головой!

– Во-первых, – сказал Лоська отчетливо, – нет у нас дома никакой ванны. Во-вторых, я не смогу попасть домой. Я забыл надеть на шею ключ, захлопнул дверь, а мама придет лишь вечером.

Я про себя отметила, какая у Лоськи правильная речь, вовсе не уличный “базар”. Даже сказал “надеть”, а не “одеть”, что и среди нынешних тележурналистов редкость. Поучиться бы у мальчишки депутатам всех мастей с их “намерениями”, “в этой связи”, “властямипредержащими”, “возбужденными делами”, с их “эканьем” и “меканьем”... Но речь речью, а чумазости от этого не меньше.

– Пойдем-ка, Лоська, ко мне.

– Да ну... – он впервые заметно смутился. Вытащил из сандалеты ступню, начал чесать правой пяткой левое черное колено. – Зачем...

– Отмоешься, поедем чего-нибудь... Не бродить же тебе таким пугалом до вечера.

– К сожалению, я всегда пугало, – равнодушно сообщил он. И вдруг согласился: – Хорошо, пойдем.

Сперва я думала, что его толкнуло на согласие это мое “поедим чего-нибудь”. И только много позже поняла: нет, наверно, не только это...

Мы с минуту еще постояли над дерновым холмиком. Я сама не заметила, как положила руку на Лоськино плечо. И он этого, кажется, не заметил. Потом пошли мы к улице Машинистов. Лоська не спрашивал, далеко ли. Сперва шел молча, а потом стал рассказывать про Умку. Уже без слезинок в голосе, а словно о живом. Как Умка ждал его каждый день на лавочке, как деликатно, без жадности, принимал угощение: остатки рыбных консервов, вареную картошку, селечные головы и обрезки колбасы. Как играл, будто котенок, сделанными из травы “мышками”, как иногда (не часто, правда) просился на руки и клал голову на Лоськино плечо... А при прощании Умка вел себя спокойно, никогда не увязывался следом.

– А ты не думал взять его домой?

– Нет... Мне кажется, он не хотел. Он был вольный кот, гулял сам по себе, как в той сказке...

Я подивилась, что Лоська знает Киплинга. Не ведала еще тогда, какой он книголюб.

В подъезде Лоська оробел опять:

– А дома у тебя кто-нибудь есть?

– Никого нет. Шагай...

3

Я ввела его в ванную, велела “отдраивать себя как следует”, но потом увидела в открытую дверь, как осторожно он трогает мокрыми пальцами перемазанные щеки и шагнула через порог.

– Ну-ка, радость моя...

Сдернула с грязнули майку, нагнула его над ванной, пустила тугую горячую струю, взяла мыло. Лоська не упирался, только один раз дурашливым шепотом сказал “спасите”. Я вымыла ему голову, оттерла тощие плечи и спину. Отскребла суровой мочалкой грязь с локтей и коленей. Подумала, что надо бы постирать его штаны и майку, но не решилась. Ладно, все же чище стал... Я сама вытерла его махровым полотенцем.

Фыркающая толстыми губами, Лоська сказал:

– Женя, у тебя, наверно, есть брат...

– Есть.

– Ты его так же мочалишь?

– Его помочалишь! Ему семнадцать лет.

– У-у... Я думал, вроде меня.

– Обормотов “вроде тебя” мне приходилось мочалить в лагере. Подшефных из младшего отряда. Они тоже собирали на себя пыль, песок и глину. И чуть что бежали ко мне, потому что свою вожатую боялись...

– А я никогда не был в лагере...

– Тебе повезло... Ты как относишься к сосискам? Правда они в целлофановой шкуре.

Лоська скромно признался, что к сосискам в любой шкуре он относится хорошо. И вообще к любой еде. Особенно “когда толком не позавтракал и ни крошки не обедал”.

После обеда он без всякой просьбы помог мне вымыть тарелки (видать, привычное дело) и сказал, что пойдет.

– Куда ты спешишь? Ключа-то нет, а до вечера далеко.

– Так. Погуляю...

“Уличное дитя все-таки...”

– Хочешь провожу тебя?

Лоська быстро вскинул “марсианские” глаза.

– Да. Хочу.

Мы опять побрели переулками – почти молча, с отдельными редкими словами. И оказались в начале Рябинового бульвара. Направо тянулись вдоль аллеи ряды торговцев-художников, а слева был неработающий фонтан и площадка со скамейками. Мы присели на бетонный край бассейна.

– Женя, хочешь мороженого?

– У тебя что, деньги есть?

– У меня нет. Я думал, может, у тебя найдутся пять рублей...

“Тоже мне кавалер”. Но я ничего не сказала, зашарила в джинсовом кармане. Достала железный пятирублевик. Лоська, видно, прочитал мои мысли.

– Женя, это не насовсем. На три минуты. Ты только не ходи за мной, я сейчас... – И зашагал к скамейкам, на которых устроились разного вида дядьки. Независимо так пошел, прямо. Широкие штаны парусили на ветерке и все еще влажная голова блестела слипшимися сосульками.

Дядьки на скамейках были всякие – одни “вполне культурного вида”, другие довольно “бомжеватые”. Но почти перед каждым лежала доска с шахматами. Некоторые играли между собой, а другие сидели в одиночестве, будто ждали партнера.

Лоська встал рядом с таким одиночкой – молодым, в соломенной шляпе и очках, но каким-то несимпатичным, с толстым затылком (как у откормленного охранника). Посмотрел на доску, сказал:

– Привет. Сыграем? – (Я слышала издалека).

– Гуляй, мальчик, – скучно отозвался “Охранник”.

– А почему?

– Гуляй, я сказал.

– Боитесь, что ли?

– Ты не на детской площадке. Тут играют на интерес.

– Вот... – Лоська положил рядом с шахматной доской мою денежку. “Охранник” сдвинул повыше шляпу, глянул внимательней:

– А не жалко?

– Для хорошей игры не жалко, – ровным голосом разъяснил Лоська. Кое-кто на него оглядывался (некоторые хмыкали).

Охранник сказал с зевком:

– Ну, садись, раз такой смелый.

– Вы свой-то “интерес” поставьте тоже, – напомнил Лоська.

– Все по закону... – Дядька положил рядом с Лоськиной свою монетку.

Они стали двигать фигуры. Мне хотелось подойти, но я чувствовала – Лоську это смутит.

Игра шла минут пять.

“Охранник” вдруг сказал:

– Ну и что?

– Что “что”? – вежливо переспросил Лоська.

– Подожди... как это у тебя получилось?

Лоська пожал плечами: получилось мол. Смотрите сами...

– Ладно... ладно-ладно. Тогда я так!

– Тогда будет мат в два хода.

– Как это?

– Так и так...

– Ну, тогда я...

– Нельзя. Шах же...

– Й-й... ёлки сухостойные... Это что же?

– Это всё, – вздохнул Лоська.

– Ну, ты и стервец...

– Разумеется. Спасибо за игру, – Лоська смахнул в ладонь обе денежки и погрузил их в складки штанов. Его и “охранника” уже обступили зрители.

– С кем-нибудь еще? – скромненько спросил Лоська.

– Да ну тебя, знаем... – отозвался кто-то.

Два игрока – один похожий на доцента, другой на дворника – переглянулись. “Доцент” спросил:

– Рискнем, коллега? Пять рублей не деньги.

– Давай. Только ты первый...

– Я могу сразу с двумя, – предложил Лоська, почесывая пяткой щиколотку.

– А вы, молодой человек, не переоценили свои возможности? – “Доценту” Лоська был явно симпатичен.

– Мне просто некогда, – отозвался “молодой человек” и подтянул штаны. Дядьки с двумя досками сели рядом, Лоська остался на ногах. Это было недалеко от меня, я не выдержала и подошла...

В шахматах я ничего не понимаю. Видела только, как “Доцент” и “Дворник” задумывались перед каждым ходом, а Лоська моментально двигал фигуры то на одной, то на другой доске. Доцент сдался первым. Некультурно почесал макушку и положил на бок короля (словно даже с удовольствием). Его небритый компаньон держался еще минуты две. Потом бормотнул неразборчиво, сдвинул фигуры с доски. Лоська терпеливо дождался, когда они расплатятся. “Доцент” спросил:

– Коллега, какой у вас разряд?

– Никакого... Лоська оглянулся на меня, протянул пятирублевик. – Вот. Спасибо... Ну что, идем?

Когда отошли, я спросила:

– Ты кто? Вундеркинд?

Лоська не удивился. Видимо, знал это слово. Но не знал, вундеркинд он или нет.

– Просто они все играют по правилам. По одним и тем же. А есть еще всякие другие способы. Это чувствовать надо.

Что-то похожее Илья говорил про компьютерные дела, когда пытался объяснить мне (правда без результата) свои теории.

– Лосенок, тебе, наверно, учиться надо...

– А! – он махнул кулаком с зажатыми денежками. – Вон мороженое. Пошли...

Мороженое он купил ананасовое, я его не люблю, но все равно было славно (только чуть-чуть грустно почему-то) сидеть на бетонном барьере у сухого фонтана, лизать сладкий брикет и молчать без всякой неловкости, а просто так, по-хорошему. Потом Лоська метко бросил скомканную обертку в ближнюю урну, встал и сказал, что ему пора домой.

– У тебе же ключа нет!

– Я к маме на работу забегу. Она, конечно, скажет, что я растяпа, ну да пусть. Тем более, что и правда растяпа... А дома дел полно.

– Лоська, ты... если захочешь, заходи ко мне.

Он растянул в улыбке толстые губы.

– Хитрая. Опять мочалить будешь...

– Неужели ты каждый день такой перемазанный ходишь?

– По-всякому бывает... Женя, ты лучше приходи сама...

– Куда?

– Ну... туда. На пустырь, к дереву. Я там часто стану бывать. Обязательно увидимся...

Я не стало уточнять: в какой день, в какой час. Словно побоялась сломать что-то. И к себе звать Лоську больше не стала.

– Хорошо, Лосенок. Пока...

– Да. До свиданья, Женя...

И мы пошли в разные стороны. И только через несколько минут я спохватилась: вот дура, даже не спросила, где он живет! Неужели больше не встречу этого марсианина?

4

Однако мы увиделись на следующий день. Лоська все-таки пришел ко мне. Утром. Оказалось, он забыл у меня лопатку. Она так и стояла в уголке у вешалки никем не замеченная. Лопатку я отдала, но сразу Лоську не отпустила.

– Чаю хочешь? С колбасой...

Он сказал, что “вообще-то, пожалуй, да”, но тут же спросил, кто еще у нас дома.

– Да никого нет! А если бы и были? Съели бы тебя, да?

– Не знаю... Я какой-то некоммуникабельный...

“Словечки-то какие знает!” – ахнула я про себя. И опять уверила, некоммуникабельного гостя, что одна дома.

Лоська глотал чай, жевал бутерброд с колбасой и все поглядывал через плечо: сквозь открытую дверь кухни был виден в большой комнате стеллаж с книгами.

– Жень, можно я книжки посмотрю?

– На здоровье! – обрадовалась я.

Он встал перед полками, запрокинул голову, как лилипут перед Гулливером.

– Ух ты... Вон там Даррелл, да?

– Да. Ты читал?

– Я его только одну книжку читал. А еще кино смотрел, “Моя семья и другие животные”... Я люблю про зверей...

– Хочешь, возьми, почитай.

– А можно?..

– Ну, если я говорю...

Лоська встал на стул и выбрал книжку, по которой кино, “Моя семья...”

– Я прочитаю и сразу же принесу, ты не бойся.

– Представь себе, я ни капельки не боюсь. Тем более, что собираюсь проводить тебя до дома и увидеть, где ты живешь. Если зажмешь книгу, приду и скажу: “А ну, Лось, выкладывай”...

– Имей ввиду, я далеко живу. От пустыря столько же, сколько до тебя, но в другую сторону.

– Не беда...

И я пошла провожать Лоську.

В левой руке Лоська аккуратно нес книгу, а в правой лопатку. Лопаткой он помахивал и хлопал себя по ноге.

– Поранишься ведь, горе луковое. Она же острая.

– Вообще-то да... Жень, я вчера так расстроился, когда спохватился, что забыл ее. Боялся: вдруг не у тебя, а в другом месте? Всю ночь вертелся...

– Боялся, что попадет?

– Не в этом дело... Она отцовская. Он ее всегда брал на рыбалку: червей накопать, костер устроить...

Это “брал” резануло меня. И чтобы не увязнуть в нерешительности, я спросила сразу:

– Лоська, а что с отцом?

Он молчал не долго. Несколько шагов (топ, топ, топ, топ...) Я не успела даже пожалеть о вопросе. Лоська сказал, глядя под ноги:

– Он в зоне. То есть в колонии...

“Ну что же, бывает”, – чуть не ляпнула я и ужаснулась, как это было бы глупо и фальшиво. И стала отчаянно думать, о чем заговорить, чтобы сменить тему. (Топ, топ, топ, топ...)

– Жень, ты не думай, что он вор или бандит... – хриловато проговорил Лоська и срубил торчащий у тротуара крапивный стебель. – Он шофер...

– Дорожное происшествие, да?.

– Прошлым летом какой-то мерседес выкатил ему навстречу и вляпался... Сперва все говорили, что папа не виноват, мерседес сам вырулил на встречную полосу. Все свидетели так говорили и даже следователь... А потом вдруг следователя сменили. Дело стали пересматривать. Наверно, те, кто в мерседесе (а один из них в больницу попал надолго) дали кому-то взятку. Даже не “наверно”, а точно... И его на пять лет... Он теперь в поселении, какой-то старый грузовик водит. Там не совсем тюрьма, но все равно ведь неволя, и далеко от дома...

“Если бы этим делом занимался мой отец, ничего бы такого не было”, – чуть не сказала я. Но не решилась. Скорее всего, для Лоськи любые работники ГАИ – виновники его горя. Хотя папа прошлым летом уже не работал ни в ГАИ, ни вообще в милиции, нигде...

– Знаешь, Лоська, а мой папа погиб...

Лоська быстро глянул сбоку. Съежил плечи.

– Где? В Чечне?

– Нет. На парашютной тренировке, на спортивной... Раньше они прыгали со страховкой, цепляли шнур к тросу в самолете, а в тот раз должны были впервые дергать кольцо сами. У папы оно почему-то не выдернулось... То ли он не успел, хотел протянуть свободный полет подольше и не рассчитал. Или оно застряло... Теперь никто не узнает...

– А он кто был?

– В ту пору он был журналист. В “Городских голосах”... Это было четыре года назад, я тогда второй класс закончила.

С минуту мы шагали молча. Наконец Лоська сказал, опять срубив на ходу крапиву:

– Ты держись...

Я кивнула. Хотелось поскорее закончить разговор, я не могла говорить про это долго: начинала ощущать жуть падения и видела летящую навстречу землю...

Мы зашли на пустырь, постояли немного над Умкиным холмиком и двинулись дальше. Лоська жил на улице Короленко в двухэтажном, обшитом досками доме с крылечком (этакая старина!). Поднялись по темной лестнице, на ней пахло котами и жареным луком. Лоська снял с шеи ключ, отпер обитую клеенкой дверь.

Мы оказались в тесной квартирке – двухкомнатной, как и наша, только гораздо меньше. С обшарпанными обоями, с угловатой мебельной стенкой местной фабрики, с потертыми стульями и старой диван-кроватью. Только телевизор в углу был большой, современный (потом я узнала, что Лоськин отец купил его в прошлом году, за месяц до несчастья). Между окнами висела копия левитановской картины “Март” в деревянной раме – дом на ней был почти такой же, как этот, Лоськин. Под картиной стояла распираемая книгами этажерка. Книги были всякие: “Сказки” Пушкина, растрепанный том “Войны и мира”, разномастные издания Жюль Верна, перепутанные выпуски про волшебника Изумрудного города, толстенный старый Андерсен, учебники, справочники по автомобилям, два тома “Детской энциклопедии”, “Оливер Твист”, “Жизнь животных”, “Тихий Дон”, “Госпожа Бовари”, отдельные книжки “Всемирной детской библиотеки”...

– Женя, хочешь кофе? У нас есть растворимый. И яблочный джем...

Да, гостеприимная личность, джентльмен.

– Спасибо, не хочу. Мы же недавно завтракали. А джем я вообще не ем, он сладкий, можно растолстеть.

– Ты? Боишься? Растолстеть? – он прошелся по мне темно-синими “индийскими” глазами (в которых даже белки из-за этой синевы были голубыми).

– Тебе не понять... Лоська, я пойду. Ты проводи меня, но только до ближнего угла... – Я видела, что он то и дело поглядывает на Даррелла, наверно, не терпелось уткнуться в книжку...

После этого мы с Лоськой стали видеться часто. Чуть не каждый день. Или встречались на пустыре, или он прибегал ко мне. Он познакомился с мамой и с Ильей и скоро перестал их стесняться (не такой уж “не-ком-му-ни-ка-бель-ный”).

Мама однажды сказала мне:

– Где ты отыскиала этого кавалера? Этаким гибрид беспризорника с лицеистом. Удивительно правильно выражает свои мысли. Кто его родители?

Я вздохнула и рассказала про Лоськиного отца.

– А матери следить за ним некогда, она вкалывает на двух работах. Дежурный администратор в “Доме приезжих” у Автовокзала, да еще уборщица в фирме “Консуэлло”. Лоська ей иногда помогает...

– Могла бы все же следить, чтобы не ходил такой извозюканный...

– Мама, это не зависит ни от родительской заботы, ни от достатка. Есть личности, которые просто не могут не собирать на себя всякий мусор. У меня два таких были в лагере...

Илья отнесся к Лоське со сдержанной симпатией:

– Есть в этой личности некий скрытый потенциал...

Однажды я уговорила брата сыграть с Лоськой в шахматы. Илюха пожал плечами и сел за доску – из вежливости. После первого проигрыша он сдвинул на лоб очки и вздохнул кудлатый затылок. После второго мигал полминуты.

– Ты, отрок, где учился сей древней и мудрой игре?

– Не знаю... Сперва у отца, потом с кем придется...

– Уникум...

А когда Лоська ушел, Илья стал внушать мне, что Лоську надо направить к хорошим наставникам. “Тогда дитя через какое-то время потрясет основы шахматного Олимпа”.

На следующий день я спросила у Люки:

– У вас во Дворце есть шахматный кружок? Надо там показать Лосенка, Илья говорит, что он будущий Карпов и Каспаров.

Люка и Лоська были уже знакомы и относились друг к другу вполне по-приятельски. Люка сказала, что кружок есть и даже работает, несмотря на летние каникулы. Мы стали уговаривать Лоську пойти и записаться. Он, конечно, сперва упирался. Во-первых, говорил, что шахматы для него это так просто, вроде забавы и способа раздобыть “на мелкие расходы”. А во-вторых...

– Кто меня туда пустит... – он крутнул поясницей, и его перемазанные штаны взметнулись, как истрепанное в походах знамя, а рыжая футболка с дыркой на пузе перекосилась.

– У тебя что, нет приличных штанов и рубашки? – спросила бесцеремонная Люка.

Лоська сказал, что есть. Но к чистым рубашкам пыль и мусор все равно пристают почти сразу, а свои “пижонские и почти новые” джинсы он терпеть не может, потому что в них жарко и “внутри они как тёрка”.

– Придется потерпеть, – безжалостно решила Люка.

Придетого и причесанного Лоську мы привели во дворец. Люка чувствовала себя здесь хозяйкой, сразу отыскала нужную комнату (с двумя большими шахматными конями на двери), безбоязненно шагнула через порог, потянула меня и втокнула Лоську.

С десяток мальчишек и девиц – лет от восьми и до шестнадцати – сосредоточенно молчали за шахматными столиками с двойными часами. Худой горбоносый гроссмейстер с круглыми очками, лысиной и кудряшками на висках двигался на цыпочках между столиками, поглядывал, что-то говорил вполголоса. Люка нарушила чинную тишину отчетливым “здрате” и вопросом, можно ли записать новичка.

Все заглядывались. Гроссмейстер слегка поморщился, но вежливо (культурный же человек!) разяснил, что запись новичков будет проводиться в сентябре.

– Но настоящий талант не может ждать! – дерзко заявила Люка.

Гроссмейстер обвел нас взглядом поверх очков и пожелал узнать, “кто именно носитель объявленного выше таланта”.

– Вот он! – Люка двинула вперед страдающего от джинсовой “терки” и смущения Лоську.

– И юноша готов продемонстрировать свои способности? – осведомился гроссмейстер. Лоська буркнул, что готов.

– Кто хочет посмотреть, каковы данные молодого человека? – учтиво спросил руководитель своих питомцев. Захотел парнишка лет четырнадцати – круглощекий и простоватый на

вид, он только что разгромил свою партнершу, кудрявую цыганистую девушку. Молча показал “юноше” на освободившийся стул. Я увидела, что Лоська вмиг позабыл про все неудобства. Слегка напряжился. Сел, полупрошепотом сказал противнику:

– Только давай быстро, блин.

– Н-ну... давай, – парнишка надавил кнопку часов...

Через две минуты с Лоськой захотели сыграть сразу двое. Потом выстроилась очередь... Гроссмейстер стоял за спиной Лоськи, согнув спину, и чесал снятыми очками лысину...

Мы поняли, что это надолго. Люка шепнула Лоське “мы пока погуляем, без нас не уходи” и повела меня показывать дворец.

Фрегат “Виола”

1

Дворец Детского творчества иначе называют Арамеевским. Потому что в начале девятнадцатого века это громадное здание построили по заказу Модеста Арамеева, владельца золотых приисков и всяких заводов. Потом у дворца было много других хозяев, но название осталось по имени первого. После революции там размещались то армейские штабы, то какие-то конторы, то грозная ВЧК, но в конце концов советская власть распорядилась мудро: велела отдать этот дом ребятам. Так появился Дворец пионеров.

Когда пионеров не стало, название сменили на другое, “неполитическое”. Но больше ничего не изменилось. Как и раньше, работали кружки, ансамбли, оркестры, секции...

Снаружи Дворец красив. В газетах любят писать: “Одно из самых привлекательных зданий старого города”. Он красно-кирпичный, с белыми карнизами и орнаментами, с витыми полуколоннами на фасаде, со стрельчатыми окнами и чугунными решетками балконов и наружных лестниц. Одни говорят – “викторианский стиль”, другие – “готический”. А самые умные специалисты морщат нос – “эkleктика”, то есть безграмотная смесь стилей. А по мне так и пусть смесь, зато красиво.

Дворец тянется по склону невысокого холма – в центре он трехэтажный, в других местах – один или два этажа. Над фасадом – круглая башня (в ней дворцовый планетарий), по углам – тоже башенки, только поменьше и остроконечные... Иногда глянешь, и кажется – не дом, а целый городок.

Фасадом и широким крыльцом Дворец выходит на мощеную площадь Повстанцев, посреди которой памятник декабристам – три бронзовые фигуры в треугольниках и длинных шинелях. А сзади ко дворцу примыкает большущий вековой парк, в нем всякие беседки, пруды и даже маленький водопад...

Но это все – снаружи, а сейчас мы с Люкой шли внутри дворца. Я бывала здесь и раньше, но все как-то по определенным делам – то на концерте в зрительном зале, то с экскурсией в планетарии, а побродить по всему зданию не случалось. Только теперь я поняла, какой он громадный, Арамеевский дворец. Гораздо больше, чем при взгляде с улицы, хотя и тогда он кажется великаном.

По случаю каникул было здесь малоллюдно, иногда на целом этаже ни одного человека. Но все же время от времени откуда-то доносились голоса и фортепьянные гаммы. В одном из холлов два загорелых пацаненка в белых шортиках и футболках старательно гоняли над столом теннисный шарик... И почти нигде не было заперто, лишь вход в планетарий и дверь дворцовой киностудии “Фонарята” оказались на замке. Мы бродили по гулким коридорам, по винтовым лесенкам, выходили на балконы, подымались в башенки, разглядывали выставку картин и скульптур ребят-художников... Было просто здорово, что можно вот так гулять и никто тебя не останавливает, не прогоняет. Правда, тетушки-технички поглядывали иногда, но без вопросов. Да, было хорошо. Мы ведь еще не знали о генеральских притязаниях на Дворец...

Мы заглянули в комнату “Любимые герои”, где на стенах нарисованы всем известные книжные персонажи. Крохотная девочка сидела у рояля и старательно играла нехитрую мелодию. Мы попятились, чтобы не мешать и когда оказались в коридоре, я увидела дверь с латунным барельефом-корабликом.

– Люка, здесь корабельный кружок?

– Он самый... – Люка бесцеремонно потянула дверь, и навстречу нам дохнул запах краски, дерева, лака...

У верстаков колдовали над моделями трое ребят – один Лоськиного возраста, а двое нашего. И был еще нестарый симпатичный дядька в синей штурманской куртке и со светлой шкиперской бородкой. “Шкипер и есть, – подумала я. – Наверно, руководитель”.

– Добрый день. Можно нам тут посмотреть? – по своейски обратилась к Шкиперу Лючка.

Шкипер покивал:

– Сколько угодно. Если только без касаний. А то, знаете ли, есть посетители, у которых глаза на кончиках пальцев. Не успеешь оглянуться, как у судна нет бушприта или брашпиля...

– Нет, мы без пальцев, – заверила Люка и спрятала руки за спину. Я, глядя на нее, тоже. (А мальчишки даже не посмотрели на нас).

Мы пошли вдоль стен. В несколько рядов тянулись полки, и на них белело парусами, светилось желтым лаком, пестрело флагами и разноцветными трубами, синело бортами крейсеров и эсминцев корабельное царство...

Я сразу всеми нервами ощутила опять свою давнюю мечту: чтобы дома, над полкой с заветными книжками, стояла большая модель парусника. С такими вот миниатюрными, но будто настоящими штурвалом, шпилем, шлюпками, с тугими лесенками вант, с подобранными к реям тонкими парусами, с притянутыми к лакированному борту якорьками... А что если...

Бывает, что я вмиг принимаю решения.

– Скажите, пожалуйста, к вам можно записаться?

Шкипер взялся за бородку.

– М-м... Несколько неожиданный вопрос. Здесь ведь не секция кройки и шитья.

Конечно, я разозлилась:

– А что, сюда только мужскому полу дозволено?

– Это дискриминация! – тут же поддержала меня Лючка, хотя записываться в моделисты явно не собиралась.

– Да никакой дискриминации. Но... есть ведь программа. Сейчас занимаются только те, кто уже давно. В сентябре будет новый набор, с новичками начнем изучать все с азов...

“Будто сговорились! И в шахматном, и здесь! Ну, Лоська-то постоит за себя. А я?”

– Мне с азов не надо. Кое-что понимаю, – нахально брякнула я.

Светлые глаза Шкипера из скучноватых стали любопытными.

– Да? И что именно?

– Ну... бриг от бригашины как-нибудь отличу. И брам-стенгу от бом-утлегаря...

Он чуть улыбнулся:

– Для начала неплохо. Только... видишь ли, это знания, почерпнутые из книжек о путешествиях и кратких словарей. Многие знают историю знаменитых плаваний и кораблей, разбираются в своде сигналов и курсах-галсах, не перепутают апсель с крюйс-брамселем, но для работы над моделями этого мало. Надо знать теорию корабля, подробное устройство, всякие закономерности схем и строительства...

Я уже поняла, что ляпнула глупость, как хвастливая первоклассница. И он понял, что я это поняла. И сказал с сочувствием:

– Могу дать совет.

– Спасибо... Дайте, если не жалко, – пробубнила я.

– Есть полезная книга. Называется “Фрегат “Виола”. Автор Захар Волынкин... В ней очень популярно, понятно даже для второклассников, и в то же время довольно полно изложены все премудрости корабельного устройства. Читается легко, запоминается быстро... Только здесь у нас ни одного свободного экземпляра нет. Если тебе правда интересно, найди в какой-нибудь библиотеке. Когда прочитаешь, приходи. Побеседуем и решим, можно ли тебя зачислить... так сказать, вне конкурса.

– Ладно... – все еще сопя от стыда, – буркнула я.

– Запомни: Захар Волынкин, “Фрегат “Виола”...

– Спасибо. Запомню...

2

Наверно, он думал, что книжку искать я не буду и “отвалю от причала”. Но меня заело. Пусть не думает, что флотское дело – мужская привилегия. Вот научусь, чему надо, построю себе метровый барк или баркентину, тогда узнает... А кроме того, просто интересно стало: что за книга, по которой легко можно выучить корабельные премудрости...

В тот же день я пошла в районную детскую библиотеку. Но “Фрегата “Виолы” там не оказалось. Посоветовали пойти в городскую.

Раньше я ни в каких больших библиотеках не была записана. Хватало книг дома, а в крайнем случае можно было взять, что нужно, в школьной. Или – если уж надо очень сильно и надолго – купить без всяких магазинных наценок у мамы на базе. Но мама про “Фрегат” ничего не знала. На следующий день я пошла в городскую детскую библиотеку имени С.Я.Маршака.

Здесь две пожилые библиотекарши отнеслись ко мне с полным пониманием, внесли в читательский список (“только потом скажешь номер маминого паспорта”) отыскивали в каталоге название книги Захара Воынкина. Но затем опять случилась неудача. Оказалось, что в библиотеке всего один экземпляр и он теперь на руках у некоего Павла Капитанова.

– Судя по формуляру, он, Женя, твой ровесник. Но, в отличие от тебя, большой разгильдяй. Держит книгу у себя уже полтора месяца. Наверно укатил куда-то на каникулы и в ус не дует... – сообщила мне седоватая, очень интеллигентная библиотекарша Анна Григорьевна (интересно, почему она решила, что я – не разгильдяйка?).

Помощница Анны Григорьевны – похожая на нее, как сестра, Анна Константиновна – добавила, что она уже посылала Павлу Капитанову открытку с напоминанием, но результата не последовало.

Я мысленно выругала Павла Капитанова. Но потом подумала, что с такой фамилией зажать корабельную книжку – вполне логично. Тем более, что, судя по всему, кроме этого “разгильдяя” и меня “Фрегатом “Виолой” никто не интересовался...

Обе Анны – Григорьевна и Константиновна – посоветовали мне зайти через несколько дней: может быть, у этого Капитанова “проснется совесть”.

Я сказала, что “может быть”, а пока взяла “Вино из одуванчиков” Брэдли...

Через неделю совесть Капитанова не проснулась. Через две – тоже (несмотря на повторные открытки). А потом интерес у меня понемногу ослабел...

Лоську, конечно записали в кружок, с большим энтузиазмом. Но радости и успеха ему это не принесло. В конце июля он заявил, что “больше туда ни ногой”. Оказалось, что недавно он на бульваре проиграл подряд две партии (что у взрослых шахматистов вызвало неискреннее сочувствие и сдержанное злорадство). Рассказывая про этот скандал, бедняга даже пустил слезинку.

– Они там в кружке всё долбят: “Осваивай теорию, перенимай опыт...” Ну и вот! Я теперь трех нормальных ходов сделать не могу.

Мы вдвоем поведали об этой беде Илье. Он сказал, что дворцово-школьный уровень для Лоськи только вреден.

– Здесь нужен наставник с неординарным мышлением и склонностью к новаторству... Я поспрашиваю у знающих людей, нет ли в их кругах такого.

Лоська слегка утешился, но ходить на Рябиновый бульвар пока опасался...

Мы с Лоськой (Люка в июле уехала в Казанцево к дедушке) привыкли бродить по разным улицам и “открывать” незаметные, но интересные вещи. То разглядывали кирпичи с фабричными клеймами в фундаментах старых домов, то отыскивали каменные ступени старинных пристаней на берегу нашей узкой и мутной Таволги (когда-то она была чистой и полноводной),

то старались выяснить, куда ведут заросшие ржавые рельсы, протянувшиеся от разрушенного элеватора. Рельсы вели “в никуда” – обрывались в бурьянных джунглях за Мельничным переулке. Шурша в сорняках старыми любимыми штанами (в джинсы он, конечно, больше не влезал), Лоська долго лазил в зарослях, пытаясь разгадать “тайну исчезнувшего пути”. Почему-то для него это было важно. Однако тайна не разгадалась...

Один раз Лоська сказал, что отец прислал письмо. Пишет: “Держитесь...” Ему обещали было пересмотр дела, но ничего не вышло...

Случалось, что Лоська подзывал уличную кошку или пса. Звери шли к нему сразу и с удовольствием давали гладить себя и чесать за ухом. Я однажды спросила: почему он не заведет своего котенка. Лоська вздохнул по взрослому:

– Котенок вырастет в большого кота, кормить-то чем? Дома каждая копейка на счету. “А на шахматах много не заработаешь, – мысленно добавила я. – Особенно теперь...”

Хотя со временем Лоська, видимо, обрел прежнее шахматное умение. По крайней мере, на подарок-то мне “заработать”, он сумел.

3

...Все это я вспоминала, когда разглядывала монетки, подаренные дядей Костей. Они снова разожгли мой “корабельный” интерес, и я подумала, что надо навеститься в библиотеку насчет “Фрегата “Виолы”. Я не была там уже больше месяца и книг никаких не брала. Но пойти можно будет только завтра. Потому что наступил вечер...

Пришла мама. Сказала еще раз “поздравляю, детка” и сразу спросила:

– Илья не появлялся?

Узнала, что не появлялся и приготовилась волноваться, но не успела: братец пришел.

Он подарил мне большущую, альбомного формата, книгу Грина в которой были “Алые паруса” и несколько рассказов. У нас есть гриновский шеститомник – почти полное собрание сочинений, – но Илюхиной книге я все равно обрадовалась. Не просто обрадовалась, а даже тихонько заскулила от счастья. Потому что книга была – чудо! С золотыми якорями, синими волнами и раздутыми пунцовыми кливерами и марселями на обложке, с разноцветными иллюстрациями во весь лист.

Я устроилась на кровати, “отключилась от реальности” и принялась листать... Художник оказался замечательный (какой-то А.А.Горцев, я о таком раньше не слышала), все его герои были ну в точности такими, как я их всегда представляла. И Ассоль, и Грей, и “комендант порта” Тильс, и капитан Дюк... А особенно – Том Беринг в “Гневе отца”! Мальчонка в матроске – большеглазый и с оттопыренными ушами – поднял тяжеленный револьвер и целился в смутно темнеющую многорукую страхилатину. И на лице у него беспомощность, страх и в то же время отчаянная решительность. Сейчас нажмет на спуск!.. Был похож этот Том на восьмилетнего Стасика Галушкина, которого зловредные большие пацаны в лагере “доводили” за его тихий нрав и безответность, пока я не вступилась (и был, конечно, крик: “Мезенцева, кто тебе позволил распускать руки!”). Этот Стасик и стал Томом, когда мы с ребятами из младшего отряда устроили игру в героев Грина...

Где-то он теперь, Стасик Галушкин? Он не из нашего города, а из Ново-Ярцева. Мы даже не попрощались, потому что после скандала из-за вожатой-сволочи Гертруды я махнула из лагеря в одну минуту, не сказав никому ни слова...

Подошел Илья, спросил: “Ну как сей грессбух”? Я, не отрываясь, показала большой палец.

– То-то же, мучача, – сказал Илья. – Видишь, как я вникаю в твои интересы. И потому ты должна быть со старшим братом вежлива и почтительна...

– Я такая и есть...

– Да? А какие вольности ты позволила по телефону, рассуждая о моей новой знакомой! Кстати, ее зовут Татьяна. Мы будем учиться на одном курсе...

– Вах!.. “Татьяна, милая Татьяна! С тобой теперь я слезы лью; Ты в руки модного тирана Уж отдала судьбу свою. Погибнешь, милая...”

– Все же придется вздуть, – заявил Илюха. Поддернул рукава рубахи и потянул ко мне лапы. Я взвизгнула и у него под локтем ускользнула с кровати. Братец развернулся и сделал лицо вампира. Я отошла. Мы потоптались друг против друга, как боксеры перед решительной схваткой. Илья оказался спиной к кровати – очень удачно.

– Надеюсь, в ближайшие дни свадьбы не случится? А то смотри, сейчас обещают, что скоро можно будет даже с четырнадцати лет, а ты уже...

Илья в ответ зарычал и растопырил пальцы (знает, что боюсь щекотки!) И тогда я дернула его за палец *тем самым* способом. Илья просвистел мимо меня, бухнулся животом на кровать и лежал так несколько секунд. Потом нашупал на покрывале отлетевшие очки. Надел. Сел.

– Вот балда! Мог ведь разбить... Как это ты?

– А вот так...

– Небось, дядя Костя научил?

– Ну, не Танечка же твоя...

– Покажешь?

– Так и быть... Хотя это не мужской прием, а для слабых девушек, к которым лезут всякие громилы...

Дядя Костя, по правде говоря, научил меня и кое-чему еще. Недавно он сказал: “Женя, времена беспокойные, гадов всяких развелось больше, чем требуют нормальные пропорции. Поэтому девочке твоего возраста надо уметь... если кто-то где-то...”

Он как в воду глядел! Вскоре после этого разговора (и обучения) подымалась я на лифте к Люкиной квартире, на седьмой этаж. В последний момент в кабину всунулся одутловатый дядька с небритыми щеками и бледными глазами. “Девочка, ты на какой этаж?” – и нажал кнопку девятого.

– Мне на седьмой!

– А! Ну, тогда так... – и нажал “стоп”.

– Давай поговорим немножко, девочка... – Он положил мне ладони на плечи. Дохнул табачной вонью...

Интересно, что в тот момент я ничуть не испугалась. Сделала все в точности как надо. Он икнул, вытаращил глаза, сел на корточки, замычал. Я нажала кнопку седьмого, выскочила из кабины, сунула назад в дверь руку, надавила “единичку”. Последнее, что увидела – горестно-удивленную и скомканную болью рожу. “Так тебе и надо. С неделю не сможешь думать о девочках, гад...” И еще целую минуту я была спокойна. Постояла, подышала...

А у Люки меня вдруг затрясло.

– Женька, что с тобой?

К счастью, дома оказалась ее мама. Дала мне воды и кинулась звонить в милицию. Судя по всему, там разговаривали неохотно. Иногда Люкина мама оборачивалась ко мне и спрашивала приметы того подонка, потом пересказывала в трубку... Меня, слава Богу, никуда не вызывали, не допрашивали. А то я, пожалуй, нахамила бы им вместо дельных ответов. После прошлогоднего случая с Ильей, у меня отношение к милиции... в общем, такое же, как у него...

Сейчас мы с Ильей больше не устраивали свалок. Посидели рядышком, вместе поразглядывали книгу. Я открыла картинку с Томом Берингом, рассказала про Стасика. Илья покивал понимающе.

– Знаешь, Женюра, я, кажется тоже был такой же в том возрасте. Посмотри на снимки, поймешь...

– Пожалуй... только темный и очкатый.

– Я не про очки, а про суть...

Мама позвала нас на кухню пить чай. И мы стали пить – Илья и мама с тортом, а я – с любимыми бутербродами, на которых помидоры, майонез и шпроты. Но хотя они и любимые, а обычного удовольствия не было. Какая-то вялость навалилась на меня и ныли мышцы – так иногда бывает перед гриппом. Неужели подхватила вирус? Нет, наверно, просто устала за день.

Я сказала “спасибо, пойду посижу, прочитаю”. Ушла к себе. Задержала занавес, включила лампу. В свете ее по-лимонному зажелтел прицепленный к шторе кленовый лист. Я сняла его.

– Теперь у тебя будет постоянный дом.

Положила лист в книгу – там, где начинался “Гнев отца”. Написала на нем синим фло-мастером: “23 августа...” и поставила год. Закрыла книгу, чтобы лист расправился, прилегла на нее щекой... И вот тогда случилось *это* ...

Я ничего не поняла, хотя знала, что когда-нибудь обязательно случится. Тянувшая душу боль и... все остальное...

– Ма-ма...

Она прибежала, сразу все поняла.

– Ну что ты, Женечка, ничего страшного. Я же тебе говорила... – Принялась возиться со мной, скоро стало легче. Но я плакала (а Илья притих на кухне).

Мама утешала:

– Ничего страшного, со всеми так, привыкай. Такая наша женская доля, природа. Это неизбежно...

...Дурацкое какое-то слово – “неизбежно”. Безысходное. Нет в нем никакой надежды...

“Нихт шиссен!”

1

Мне и раньше приходилось слышать про неизбежность, не один раз. Мы говорили о ней с Ильей, когда по вечерам лежали и обсуждали хитрые проблемы мироздания. Бывало, что брат становился словоохотливым. Вещал через занавес о всяких законах вселенной – как он их понимал.

И однажды он сообщил:

– Дорогая моя, во вселенной полно кавардака и беспорядка, но есть и твердые законы. Они построены на основе *неизбежности*. Они как скелет, который определяет жесткость мировой конструкции...

Конечно, он больше рассуждал для себя, чем для меня (есть у братца такая привычка), но я все же заспорила:

– Скелеты тоже не бывают постоянные. Живое существо растет и скелет в нем меняется.

– Ты, сестрица, не столь глупа, как выглядишь на первый взгляд. Постарайся понять и вот что. Если скелет даже меняется и растет, это все равно происходит по неизбежной программе. Программа как раз и содержит в себе идею неизбежности. Без нее наступил бы в мире сплошной хаос...

Я сказала, что хаоса на белом свете больше чем достаточно. Начиная от войны в Чечне и кончая дурацким разбеганием галактик, о котором пишут ученые.

Илюха возразил, что война – это частное явление на фоне общего развития вселенной. А галактики поразбегаются и затормозят (да и война в конце концов закончится, потому что идиоты, которые ее устраивают, выдохнутся или перемрут).

– Когда еще...

– Во всеобщем масштабе это “когда” микроскопично... И я повторяю: в природе мироздания есть явления, которые *неизбежны*...

Тут меня дернуло за язык:

– И смерть?

(И сразу: свист воздуха и летящая навстречу земля...)

Илья быстро и даже как-то обрадованно сказал:

– А вот и фиг тебе. Смерти нет. Он противоречила бы смыслу всеобщего бытия.

– Чево-чево? – спросила я братца его собственным тоном. – А как же тогда...

– Ты глупо принимаешь за смерть временные остановки сознания и перемену одной формы жизни на другую...

– Ты это... буддист или кто там еще?..

– Я мыслящий человек. Любой мыслящий человек рано или поздно приходит к выводу, что смерть невозможна, поскольку сознание бессмертно. Оно может погаснуть на краткий миг, но не навсегда. Если хочешь, можешь называть это бессмертной душой, которая проходит в бесконечной жизни одну ступень за другой... Понимаешь, иначе не было бы в во всеобщем мире никакого смысла. А смысл есть. Мировой Разум на то и Мировой Разум, чтобы осуществлять свою идею...

– А какой он, этот смысл? Для всех для нас? – спросила я с холодком в позвоночнике.

– Думаешь, так легко сформулировать? Ну, подожди... Во вселенной идет громадное строительство. Хаос преобразуется в гармоничную систему...

– Зачем?

– Затем, что, когда эта система... это всеобщее здание будет построено, каждая душа в нем ощутит наконец полное счастье и полную радость... А пока строительство идет, каждый должен вложить в него свой кирпичик. Во всех своих жизнях, которые он проходит одну за другой...

– А террористы тоже вносят *свой кирпичик*?

– Террористы и всякие другие носители зла их разрушают...

– Тогда зачем Всемирный Разум их терпит? Они тоже *неизбежность* ?

– Видимо, на каком-то этапе – да. Счастье и совершенство вселенной достигается только в борьбе и споре.

– Ну ладно. А когда оно, это счастье и совершенство, будет достигнуто, дальше что?

– Как что? Это высший результат.

– Подожди... Скажем, достигли мы такого результата. Сидим в этом самом прекрасном здании, радуемся, радуемся счастьем... всю бесконечность, что ли? Надоеет же в конце концов, если все время так...

Он засмеялся за колыхнувшимся в сумерках занавесом.

– Ты рассуждаешь, как тетя Дуся на грядках с редиской. Что ты знаешь про *Время* ? Думаешь, оно как твой будильник, который тикает на тумбочке? Оно может быть слиянием бесконечности и мига. Таким, в котором *никогда ничего не надоеет* .

Я помолчала, переваривая Илюхино философское рассуждение. Нельзя сказать, что разобралась в нем до конца, но что-то, кажется, уловила. А он вдруг сказал – раздумчиво так:

– К тому же я уверен, что и в этом конечном счастье будет возможность творчества. Без него, по-моему, полная гармония невозможна...

Я опять помолчала, подумала.

– Слушай, а всякие сволочные души, которые творят только зло, они-то куда денутся? В какой-нибудь подвал под этим “всеобщим счастливым зданием”?

Илья сказал со вздохом:

– Не будет таких душ. В процессе совершенствования мира они должны измениться. Без этого всеобщей гармонии не достичь.

– Как они изменятся? Кто? Гитлер? Сталин? Бен-Ладен? Или те сволочи, что недавно кинули гранату в окно детского сада?!

– Да пойми же ты! Не будет ни Гитлера и никаких других гадов. На то и происходит всеобщее развитие вселенной. Оно перековывает души и постепенно отсеивает всякое зло.

– Медленно отсеивает, – сумрачно сказала я. – Могло бы и побыстрее...

Я думала, он опять начнет говорить про всемирные масштабы и краткость человеческой жизни на их фоне. Но брат лишь вздохнул:

– Что поделаешь...

– Илюха...

– Что?

– А как ты думаешь... Там, когда *всеэто* будет построено... те, кто потерял друг друга в этой жизни на Земле, они встретятся?

Спросила и сразу испугалась: вдруг начнет говорить, что они, мол, будут уже не те, изменившиеся, с другим пониманием...

Но Илья сказал просто и понятно:

– Само собой. Без этого какое счастье...

И я ему была благодарна.

В то время еще ни я, ни мама не знали, что Илья пойдет на философский факультет. А можно было бы уже догадаться. Ведь и в ту пору он любил порассуждать на *такие* темы. Особенно со мной. Чаще всего он пытался втолковать мне что такое многомерность и многовариантность миров. Многомерность, говорил он, это значит, что существует рядом с нашим про-

странством еще множество других (параллельных, как их именуют в фантастике) пространств. Одни похожи на наши, а другие – ни чуточки, там все иное. И таких миров бесконечное множество. А многовариантность – это когда природа одного пространства (точнее пространства-времени) может перебирать и повторять варианты одних и тех же событий и менять их, пока не выберет самую подходящую комбинацию. Только мы, к сожалению, этого не замечаем.. И кроме того (это самое поганое) обычно оказываемся не в самой хорошей комбинации.

– Да уж...

Зато, вещал мне Илья, люди постепенно обретают возможность сами строить новые варианты пространств. С помощью компьютерной техники, которая развивается с невероятной стремительностью. Пока еще это так называемые виртуальные пространства, то есть живущие в рамках магнитной памяти. Но в конце концов будет найден способ, чтобы “переводить их в материальную сферу”. То есть делать настоящими. И близость этой новой эпохи требует серьезного научного осмысления.

Я спросил: на фига нам делать настоящими эти компьютерные пространства, если всяких параллельных миров и без того бесконечное множество?

Илюха пожал плечами:

– Это, мучача, тоже неизбежность. Развитие мысли не остановить.

– А как ты думаешь, научатся люди проникать в параллельные миры? Или это всегда будет фантастикой?

– Когда-нибудь обязательно научатся. Может быть, скоро...

– А может быть... ты уже умеешь? – спросила я с подначкой, но и... с капелькой жутковатой надежды (потому что вон какой он всезнающий, копающий всякие загадки вселенского устройства).

Илья не стал ни отшучиваться, ни мудрить. Сказал устало так, почти по-стариковски:

– Кабы знал, ухватил бы маму и тебя под мышки и куда подальше из этого пакостного пространства...

Я его поняла. Разговор был вскоре после того, как Илюха побывал в милиции. Случилось это в прошлом декабре, незадолго до Нового года.

2

Илья был тогда еще школьник, в одиннадцатом классе. Шел он с уроков и, как назло, один, без приятелей. На углу Октябрьской и Паровозной остановили его двое в сизом камуфляже и с автоматами.

– Тормози, школяр. Документы...

У Ильи какие документы, из школы идет парнишка. Он так и сказал.

– Паспорт надо всегда иметь при себе. Не слыхал?

Илья сказал, что не слыхал. Да еще дернуло его за язык:

– На кавказца я вроде не похож...

Они посмотрели на него, друг на друга.

– Это мы выясним, на кого ты похож... Куда идешь?

– В книжный магазин.

– Читатель, что ли? – хмыкнул старший сержант с белесыми глазами и подбородком шире лба (о нем еще будет речь, а пока пусть называется Мордастым).

– Читатель, – согласился Илья. – Разве нельзя?

– Ты повозникай! Сейчас скушаешь очки и будешь не читатель, а разье...ль.

– Вы какое имеете право так... – начал Илья (потом сам признавал, что была это великая глупость; с *ними* – о правах!).

– Интеллигент, – гоготнул Мордастый. – Небось декларацию прав знаешь. Идем...

– Куда?

– Для выяснения...

– Никуда я не пойду! – Это была, конечно, вторая глупость. Они заломили ему локти и легко, будто сноп соломы, поволокли в отделение. Приговаривая при этом о сопротивлении сотрудникам правопорядка, которые при исполнении...

Отделение было почти рядом. Илью впихнули за решетку (ну, прямо как в кино, говорил он потом), но скоро привели в какой-то кабинет. Там кроме Мордастого и его напарника (худого и белобрысого) были пожилой морщинистый старшина и молодой офицер (кажется, младший лейтенант). Но они почти сразу ушли, офицер при этом сказал Мордастому:

– Ты, Панкратьев, это... по обстоятельствам.

Мордастый Панкратьев слегка поржал. Белобрысый сел за стол, придвинул бланк.

– Фамилия, имя-отчество, год рождения.

Илья сказал.

– Не кособочься, прямо стой, когда отвечаешь, птенчик... Адрес!

Илья сказал адрес.

– А чем докажешь? – спросил Мордастый, зевнул и потянулся.

– Давайте, я маме позвоню...

– Позвонишь потом в морг. Чтобы забрали отсюда. А пока не хрюкай.

– Но задержанный имеет права позвонить!

– Может, тебе еще адвоката? – опять зевнул старший сержант Панкратьев. – Раздевайся...

– З-зачем?

– Для досмотра! Шмотки на стул и руки по швам!

Они и правда заставили его раздеться. Не знаю уж, до пояса, до трусов или совсем... (Я многого не знаю точно, мне ведь это известно даже не со слов Ильи, а со слов мамы: он рассказывал ей, а она потом уж мне и, наверно, не все...).

– А это что! – злорадно завопил Панкратьев. – Давно кололся последний раз, козёл?!

У Ильи на вене был след от иглы, он только накануне сдавал кровь из вены, для анализов, которые требовали в военкомате.

– Это же в поликлинике!

– В ..., а не в поликлинике! У кого отовариваешься, гнида?!

– Неправда! Я докажу!

– Докажи, докажи... Гашкин, погляди у него в карманах, нет ли пакетика с дурью? Наверняка есть...

Белобрысый Гашкин охотно оставил протокол и покопался в Илюхиной одежде. И, конечно, отыскал белый крохотный пакетик с порошком...

– Ну и все, – с удовольствием сообщил Панкратьев. – Остальное, как говорится, дело следствия. Лет на пять окажется мальчик без мамы, пора привыкать...

Илья говорил потом (опять же маме), что после этого он почувствовал себя как в полусне. Или даже в бреду. Будто все это не с ним, а какое-то дикое кино...

Панкратьев вдруг поскреб мясистый подбородок.

– Хотя можно и так... Гашкин, есть у нас какой-нибудь недавний “висячок”?

– Разве что киоск на Фрунзенской?..

– Вот и в жилу!.. Ну-ка руки по швам я сказал! Где был позавчера в двадцать один ноль-ноль!

– Дома был...

– Про то, что дома, это мамочке расскажешь. А здесь – то, что было по правде! С кем ломали киоск на углу Фрунзенской и Блюхера?.. Да быстро, с-сука!!! – вдруг заорал он. – А то оторву ... и сожрать заставлю. Собственным поносом умоешься, читатель долбаный!

Неизвестно, правда ли они хотели приклеить Илье какое-то дело с киоском или с “дурью”. Может, просто решили поразвлекаться с беззащитным очкастым “ботаником”. Илье тем более этого не знал. А Панкратьев опять шепнул что-то Гашкину и с хохотком, спокойно спросил Илью:

– Видишь в углу вон тот предмет?

В углу стояла хоккейная клюшка.

– Эту штуку, – сказал оскалась Панкратьев, – засовывают неразговорчивым пацанам в то самое отверстие. Рукояткой вперед. И по-во-рачивают. И мальчики становятся разговорчивыми... – Он шагнул в угол, хотел, было, взять клюшку, но вдруг словно передумал, ушел за дверь и поманил оттуда Гашкина. Тот сказал Илье “стоять” и тоже вышел. Дверь они прикрыли.

Илье говорил потом, что он в тот миг очнулся. Секунду стоял неподвижно, потом схватил стул и засунул его ножку в ручку двери. И кинулся к телефону. К счастью, телефон был с прямым выходом в город.

– Это база? Валентину Ивановну Мезенцеву, пожалуйста!. Это сын звонит, срочно!.. Мама, меня забрали в милицию, ни за что! Просто так, на улице, в седьмое отделение, на Октябрьской! Издеваются! Позвони кому-нибудь! Их начальству, что ли! Или дяде Косте! Скорее!..

Дверь дергали и били. Орали. Илье бросил трубку, подождал, когда на несколько секунд перестали ломиться, выдернул стул, сел на него. Они ворвались, сразу сбили Илью на пол, ударили ногами, потом подняли, ударили снова, в поясницу. Но он уже не боялся. Он даже не понимал, что они ему кричат, брызгая слюнями в лицо. Он ждал... и дождался. Удивительно громко затрезвонил аппарат.

Гашкин взял трубку. Мигнул. Протянул трубку Панкратьеву. У того слегка похудела мордастая рожа.

– Да... так точно... У нас... Так точно, товарищ п’полковник... Это же в целях профилактики, по указу... Но ведь откуда же мы... Есть, товарищ п’полковник... – Он обернулся к Илье. – Сразу не мог сказать, что ли?

– Что сказать?!

– Чей ты есть сын... Одевайся. Гашкин, помоги парнишке... Щас отвезем домой.

– Обойдусь, – сказал Илье. Потом он признался маме, что испугался: увезут куда-нибудь и головой в прорубь. Чтобы концы в воду. Недаром ведь был недавно очерк про ментов-отморозков которые сперва избили полковника ФСБ (не знали, кто он), а потом нашли у него в кармане документы и пристрелили в лесочке, чтобы не отвечать...

– Да ты чё, Илье, – уже по-приятельски заприхахатывал Панкратьев. – Ты обиду не держи, это служба наша. Отвезем, как велено, это подполковник Будимов приказал, из областного...

Услышав про Будимова, Илье слегка успокоился.

Брата привезли к дому на милицейском газике, Панкратьев дружески похлопал его по плечу. Илье выпрыгнул из машины, плюнул.

Дома он ничего не сказал мне, только ходил по всем комнатам, стискивал кулаки и помаывал головой. Я понять не могла: “Илюха, что с тобой?” – “Ничего... Ерунда...” Но скоро примчалась мама. На машине директора базы она сперва прикатила в милицию, там Илью уже не застала и кинулась домой.

– Илюшенька!.. Господи... Они тебя били?

Он и маме сперва сказал: “Ничего, ерунда...” И вдруг... разрыдался. Да так, что мы с мамой успокаивали его с полчаса. И водой, и даже валерьянкой.

– Ну почему, почему такие гады?! – вздрагивал он. – Идешь по своим... по родным улицам... и вдруг... И могут ведь с дерьмом смешать, растоптать, превратить в кого угодно! Ничего не докажешь! Ты им про права, а они... про клюшку...

– Ну, хватит, Илюшенька. Все уже кончилось...

Он вскинул мокрое лицо.

– Кончилось? Где?.. А если завтра снова?.. А сегодня... если я был бы не сын капитана Мезенцева, а сын дворника?!

– Успокойся. Виктор Викторович обещал, что во всем разберется.

Виктор Викторович и был подполковник Будимов. Папин бывший сослуживец. Они оставались приятелями даже тогда, когда папа ушел из милиции. По крайней мере, Будимов в ту пору нередко заглядывал к нам и даже шутливо ухаживал за мамой. Ему мама и позвонила сразу после Илюхиного “SOS”. Надо сказать, Виктор Викторович отреагировал моментально.

Однако Илья отозвался:

– Кто разберется? Ворон ворону глаз не выклюет...

– Ну как ты можешь так говорить! Смотри, он же сразу...

– Да. А если бы не ради меня... и тебя... Если бы ради правды? Он бы тоже “сразу”?!

Мама только головой покачала...

3

Виктор Викторович Будимов появился вечером. С букетиком садовых ромашек для мамы (и где достал посреди зимы?) Снял в прихожей шинель с новенькими погонами (“подполковника” он получил недавно) повесил ее на торчащий в косяке рельсовый костыль (меня скребнуло). Вытер сапоги, шагнул за мамой в комнату.

– Ну, что у вас приключилось? Докладывайте!

Мама была уже не та, что при первом разговоре с Ильей. Спокойная (Илья, кстати, тоже, без всякого следа слез, в отглаженной рубашке). Мама положила букетик на стол.

– Знаете, Виктор, мне кажется, это не “у нас”, а “у вас”. Потому что мой сын никого не грабил, наркотики не покупал, спокойно шел из школы...

– Ну да, ну да. Валечка, я понимаю... Кретинов-то в нашей системе пруд пруди. А где взять интеллектуалов? Особенно при такой зарплате. Опять же и понять их можно. Сами знаете, что творится среди молодежи...

– Значит, хватайте кого придется, да? – взвинтился Илья.

– Хватать нельзя, а задерживать для проверки разрешено законом...

– Ага, “задерживать”! А там кулек с героином в карман и клюшку в ж... – сказал брат открытым текстом.

– Илья! – ахнула мама.

– А чего? Разве не так?.. И главное, что они там себя чувствуют как... всесильные вожди-людоеды! Вся правда заранее *у них*, потому что сила. А тот, кого поймали, сразу виноват! Хоть вывернись наизнанку, слушать не будут. Гогочут только: “Интеллигенция”... А всякие депутаты нам талдычат с экрана: “Декларация прав, презумпция невиновности...” Где презумпция, а где клюшка...

– Да что за клюшка? Ты расскажи все подробно, – перебил его Будимов.

– Пускай мать рассказывает, мне тошно про одно и то же... – Илья ушел в “детскую” и включил там проигрыватель с музыкой из “Юноны” и “Авось”. Негромко, в полсилы... Будимов поглядел ему вслед.

– Валя, он весь на нервах. В самом деле, расскажи ты...

Мама стала рассказывать, что знала. Иногда оборачивалась к двери, громко спрашивала у Ильи: точно ли передает события? Он так же громко отвечал, что все точно.

А я молча сидела в углу, смотрела и слушала... И постепенно наливалась теми же чувствами, что Илья. Будто становилась частичкой брата. Но пока переживала эти чувства, про-

зевала часть разговора. Потом встряхнулась. Будимов что-то кончил говорить маме и повернулся к Илье.

– Может, в чем-то ты и прав, но... я по, правде говоря, думал, что ты скажешь мне спасибо.

Илья теперь стоял в дверном проеме, прислонившись спиной к косяку.

– Что? – откликнулся он. – А, в самом деле... Спасибо, Виктор Викторович, вы очень помогли... Только в общем и целом ваша помощь не меняет ситуации.

– Какой ситуации-то?

– У одного моего друга есть дед, он рассказал нам однажды анекдот... или даже просто случай из жизни. Из тридцатых годов незабвенного двадцатого века. Схватили одного доцента, привели в НКВД, тогдашнюю службу безопасности, на Лубянку в общем. Давай на него орать, по морде бить, как полагается. А он в ответ: “Как вы смеете! Вы же еще ничего не доказали! Я же еще не осужденный, а только подозреваемый!” Следователь заржал, отдернул штору, показал на прохожих за окном. “Вон, – говорит, – подозреваемые. А те, кто попал сюда, уже ээки...” Вот и в вашей системе такая логика. Там не важно, виноват кто-то по правде или нет – лишь бы выбить признание. Да еще получить при этом удовольствие...

– Эх как ты натерпелся, бедолага, – вздохнул Будимов. – Я понимаю, это с непривычки... А логика... она, брат, диктуется жизнью. Когда живем в таком бандитском мире, не до нежных чувств...

– Вы еще скажите: “Лес рубят – щепки летят...”

Виктор Викторович встал.

– Ну ладно, пойду я... Ты, Илья, остынешь, поразмыслишь... А потом поживешь и поймешь, как все в жизни непросто. Грамотный же парень-то...

– Я поживу... и надеюсь, что доживу до одной хорошей поры...

Мама опасливо качнулась на стуле. Будимов глянул с живым интересом:

– Это до какой же?

– До той, когда все эти ваши “силовые ведомства” будут объявлены преступными организациями. Как в свое время СС, СД и СА.

– Илья! – мама привстала.

– Да ладно, пусть выговорится, – махнул рукой Будимов. – Ты, Илья, только *в другом месте* этого не скажи.

– А я уже сказал.

– Где?

– В машине. Этому мордастому сержанту...

– Ну, ему-то что! Он утрется... А ты все же не забывай, что и отец твой был милиционером.

– Был да перестал... как раз поэтому.

– В общем-то да... И ты, Илья Сергеевич, достойный наследник своего папы. Он всю жизнь кидался в бой за идеи, без щита и забрала...

– И потому у него не открылся парашют. Да? – негромко, но со звоном сказал Илья. И ушел назад, за дверь. Будимов странно дернулся и приоткрыл рот. Мама уронила вдоль стула руки.

Потом она провожала Будимова, извинялась за Илью и была совсем не такая, как в начале разговора. Виноватая и суетливая (мне даже обидно сделалось). Вернувшись в большую комнату, мама принялась неуверенно ругать Илью. Как, мол, он так мог вести себя с Виктором Викторовичем, который по сути дела спас его...

Илья огрызался из “детской”:

– Потому что он такой же, как они. И спас по знакомству, а не ради справедливости... Ты посмотри, мы живем как в оккупированной стране. На каждом углу *эти*, обвешаны дубин-

ками, наручниками, рациями, пистолетами, как новогодние елки игрушками. Сирены их воют на улицах без умолку. А какой прок? Хоть одно заказное убийство раскрыто? Валютчики нагло торчат на каждом углу, наркотиками торгуют в любом квартале, бандюги открыто разъезжают на мерседесах, а *они* с ними за ручку здороваются! Даже в “Криминальной панораме” это показывали... А ты знаешь, как их следователи выбивают показания? Слышала, что такое “сло-ники” и “ласточки”?..

Мама наконец не выдержала, закричала:

– Где же ты раньше-то был?! Почему не возмущался?! Потому что до нынешнего дня лично тебя это не касалось?!

Илья помолчал в детской и ответил неторопливо, даже с расстановкой:

– Нет, почему же? Я возмущался. Просто ты не обращала внимания. А кроме того... да, ты права. Я знал все это теоретически, а теперь испытал на своей шкуре. В этом есть свой плюс, практический опыт незаменим...

– Ты болтун! Что за глупость ты брякнул насчет парашюта! Виктор Викторович... он еле на ногах устоял от обиды.

– Переживет... – хмыкнул Илья. Мама собралась возмущаться снова, но раздался звонок. Это пришел дядя Костя.

Я поняла, что разговор теперь пойдет по новому кругу, и ушла к себе, задернула занавес. Разговор и правда состоялся, но не такой, как я ждала. Мама в нем почти не участвовала. А Илья и дядя Костя пришли в “детскую” и сели у стола с зажженной лампой. Я их не видела, но голоса слышала прекрасно. Только ничего не понимала: брат и дядя Костя говорили по-немецки. Они спокойно так говорили, даже посмеивались иногда, и я тоже успокоилась. Мне показалось, что дядя Костя нашел для Ильи нужные доводы, сумел “привести мальчика в нормальное состояние”. Под конец дядя Костя даже сказал:

– Ладно... “Нихт шиссен”, как говорили “дойче зольдатен”, когда начинали понимать, что пора прекращать мировую войну... – Это была любимая дяди-Костиного поговорка.

О том, что случилось на следующий день, мама говорила: “Уму непостижимо!...”

Оказалось, что после уроков Илья встретился с дядей Костей и они вдвоем пошли в седьмое отделение. Дежурный их остановить не решился (полковник идет, в форме). Они вошли в *тот самый* кабинет, там было несколько милиционеров и среди них (вот удача-то) старший сержант Панкратьев. Дядя Костя спросил у Ильи, для уточнения:

– Вельхер? – (то есть “который?”)

– Дизэр, – Илья подбородком показал на Мордастого. (“Этот”.)

– Зер гут, – сказал дядя Костя (что не требует перевода). – Пока уходим. Теперь как у Гамлета в переводе Пастернака: “Дальнейшее – молчанье”.

И они ушли под недоуменное молчание милицейских чинов.

Видимо, дяде Косте не составило труда узнать домашний адрес старшего сержанта Панкратьева. Вечером он пришел к Мордастому домой, позвонил у двери на третьем этаже. Панкратьев открыл сам. Дядя Костя (деликатный, сдержанный и – когда без погон – похожий на учителя истории) сгреб Панкратьева за грудь, выдернул в коридор и дал про морде. Раз, второй. Швырнул его в угол. Мордастый заверещал и стал выдергивать из брючного кармана пистолет. Дядя Костя дождался, когда он выдернет, выбил пистолет ногой, вынул из него обойму, выщелкал на ладонь патроны и кинул их в открытую дверь квартиры. Туда же бросил пустой магазин и разобранный в две секунды пистолет. Затем снова сгреб Мордастого и последним ударом отправил его вслед за пистолетом.

После этого дядя Костя отряхнул о пальто ладони и пошел вниз по лестнице. В квартире вопили Панкратьев и какая-то женщина. Никто, однако, за дядей Костей не бросился...

(Илья мне говорил потом, что у Мордастого не полагалось быть пистолету, милицейским сотрудникам запрещено держать оружие дома. Однако пистолет был. Может, Мордастый носил

его с собой вопреки инструкции, а может, собирался на какое-то “боевое задание”. Хорошо, что у дяди Кости афганский опыт...)

Конечно, старший сержант Панкратьев запомнил дядю Костю. Поднялся шум, на полковника К.П.Ерохина пошел рапорт по месту службы, в штаб дивизии. Однако товарищи и ближнее начальство дяде Косте сочувствовали. К тому же во время скандала Мордастый был не “при исполнении”, дядя Костя к нему пришел тоже без формы. Так что случай этот можно было рассматривать лишь как “столкновение на почве личной неприязни”.

Правда, более высокое начальство полковника Ерохина недолюбливало и пообещало ему увольнение со службы. Дядя Костя дожидаться не стал, сам подал рапорт об уходе в запас. При этом он чего-то “не дослужил”, потерял какие-то суммы, но не жалел. Признался, что “удовольствие того стоило...” Мама отчаянно тревожилась. И за дядю Костю и главным образом за Илью. Ей казалось, что теперь милиция обязательно поймает его снова и “сведет счеты”.

– И с тобой тоже! – Это она дяде Косте.

Тот заверил маму, что “никто никого больше не поймает”. А Илье и мне объяснил подробнее:

– Не следует сбрасывать со счета факт, что в нашем городе прописаны полтора десятка ребят из моего батальона. Некоторые из них живут на свете благодаря мне... так же, как я благодаря им. Так что “нихт шиссен, мальчики”. Будем привыкать жить мирно...

Расставшись с погонами, дядя Костя поступил работать заместителем директора в фирму “Стройметалл” (видимо, там зачем-то нужны были люди с боевым опытом). И даже (по некоторым слухам) собрался жениться. Но раздумал. Так и жил холостяком, по-прежнему заходил к нам “на чаек”. О случае с Мордастым он и Костя не вспоминали.

А я иногда вспоминала – молча, сама с собой. И все больше понимала, что дяди-Костина помощь была для Ильи важнее, чем помощь Будимова. Виктор Викторович, разумеется, вытащил Илюху из милицеских лап и спас от многих неприятностей, но... но не от обиды, не от горечи и страха. А дядя Костя... Ильа высказался по этому поводу лишь однажды:

– Конечно, в мировом масштабе это тоже не выход. Частный случай. Но знаешь, Женька, насколько легче стало на душе...

Я кивнула. Еще бы! Душа – это главное...

Однажды утром (в марте, кажется) Илюха и я сидели дома и смотрели “Новости”. Мы вернулись так рано из школы, потому что ее объявили заминированной. Какие-то пацанята звякнули об этом по директорскому телефону. Кстати, пацанят скоро нашли. Сперва взяли одного (будто бы по голосу вычислили) надавили на него в милиции, он выдал второго. Видать, умело надавили, если мальчишка назвал товарища (хотя, возможно, обошлось и без “ключки”). Вскоре все телеканалы области трубили, что наконец-то “правоохранительные органы отыскали террористов”. Одному было одиннадцать лет, другому десять. Они это звонили в школу или нет, поди определи. Ни свидетелей, ни технической экспертизы (так Ильа говорил) Главное, что “сами признались”! И справедливый суд их тут же приговорил к аресту на десять суток с содержанием в детприемнике (“Больше мы ничего, к сожалению, не можем”, – сокрушалась похожая на продавщицу дама-судья).

В общем, отыскали виновников всех российских бед.

Двое суток в областных и городских новостях показывали, как злоумышленников стригут “под машинку”, потом голыми моют в душевой и наконец обряжают в серые казенные костюмы... Но все это было после, через несколько дней, а в то утро мы просто радовались выходному.

Хотя большой радости не было: экран аж прогибался от чернухи. Всюду стреляли, брали заложников, подкладывали фугасы и устраивали засады. Тонули теплоходы, в каких-то джунглях опять грохнулся самолет, а вертолеты – те вообще сыпались вниз, как переспелые груши. Целые страны стонали от наводнений, Италию потрянуло землетрясение, на Кавказе очередной

оползень завалил несколько сёл и машины на дороге... И все это был не боевик, не триллер, не ужастик, а сегодняшние события. Хоть изругай всех на свете журналистов за “любовь к негативной тематике”, а факты есть факты.

Илюха привычным своим философским тоном сообщил:

– Это судороги Земли. Планета просто уже не выдерживает того, что делают люди – на ней и с ней. Она вздрагивает...

Мне вдруг захотелось зареветь, но я не подала вида и сказала:

– Хорошо бы сделать небо над землей затвердевшим. Хоть на сутки...

– Зачем?

– Потом взять баллоны с краской и струями написать над каждой страной, над каждым городом... как у дяди Кости. “Нихт шиссен!”

– Думаешь, поможет? – Илья как-то по-дурацки зевнул. Я вдруг разозлилась:

– А что поможет? Твоя философия?

Брат не стал злиться в ответ. Пожал плечом.

– Как знать...

Астероиды

1

Двадцать четвертого августа я весь день провела дома. Вялая и надутая на весь белый свет. То лежала и думала про всякую всячину, то пыталась читать. И наконец вспомнила – монеты! Сразу стало интереснее жить. Я разложила “корабельные фунты” на покрывале, опять взяла Лоськин глобус. Поразглядывала по очереди все шесть парусников. Да, интересно бы узнать о них побольше...

У нас был двухтомный “Морской энциклопедический справочник”, но в нем я не нашла ничегошеньки ни про одно судно с монет. Видно, не такие уж знаменитые... Вот потому и любопытно! Про “Санта-Марию”, “Палладу” или “Виктори” можно прочесть где угодно, а вот что это за “Джемини” или “Перси Дуглас”?

Зато в “Энциклопедическом словаре” я прочитала про остров Джерси. Он в проливе Ла-Манш, “в составе Нормандских островов”. Площадь сто шестнадцать квадратных километров, примерно как у нашего города. А населения в десять раз меньше, чем у нас! Жители занимаются животноводством, огородничеством, цветы разводят. А еще на этом самом Джерси организовал зоопарк знаменитый зоолог и писатель Даррелл (надо будет Лоське сказать)! Но при чем здесь корабли? Об этом опять же ни словечка.

И почему написано не просто “Jersey”, а “Bailiwick of Jersey”? В двух английских словарях, что были дома, я слова “Bailiwick” не нашла. Сунулась к Илье. Но он сидел над какими-то схемами и рыкнул на меня. Я надулась еще больше – уже не только на весь мир, но и конкретно на брата. Ну ладно... Если меня что-нибудь зацепит, я стараюсь довести дело до конца.

Позвонила маме. Та сразу: “Что случилось?”

– Да ничего не случилось. Мама, у вас на базе есть самый полный “Англо-русский словарь”?

Она опять:

– Что случилось?

– Да ничего же не случилось же! Просто мне надо срочно узнать: что такое “Байливик”. Или “Бэйливик”. В наших словарях нет, а Илья готов меня задушить, если подступлюсь...

Голос у мамы затвердел:

– Евгения! Ты в своем уме? Считаешь, что у меня есть время лазать по словарям? К нам только что поступили новые книги из Франции, я зашиваюсь с экспертной оценкой...

– А на то, что *я* зашиваюсь, всем, конечно, до лампочки...

– Ты не можешь потерпеть до завтра?

– Конечно, могу! Мне не привыкать! Я и так терплю всю жизнь, как всем на меня наплевать...

– Господи, что за ребенок! Кто из тебя вырастет...

Я сказала “до свидания”, положила трубку и легла на мамину кровать в большой комнате. Стала смотреть в потолок и думать, кто из меня вырастет.

Все зависит от способностей. Есть у меня способности? Кое-какие есть, но все недоразвитые. Занималась музыкой, могу сыграть отрывки из “Лунной сонаты”... Мало ли кто занимался в детстве музыкой! Бетховены и Рихтеры вырастают по одному на много миллионов... Могу рисовать. Говорят, неплохо получается. Но Лючка рисует в сто раз лучше меня и все равно быть художником не собирается...

Одно время я думала стать поэтессой. Писала стихи – по несколько четверостиший каждый день. Илья тоже писал (хотя быть поэтом не собирался). Мы декламировали свои творе-

ния друг другу и безжалостно критиковали. Я считала (и сейчас считаю), что у меня получалось лучше. Илья просто увлекался всякими философскими загибами и хитрыми рифмами. Однажды, полтора года назад, он написал заумный “стих” про пустоту мировой беспредельности, которую лишь изредка озаряют проблески возникающих то тут, то там цивилизаций. Слабенькие такие проблески, как свечи Тома Сойера и Бекки в громадном сумраке пещеры. По правде говоря, мне этот стих показался неплохим, но я была сердита на вчерашнюю Илюхину критику и начала долбать его в ответ. Сказала, что все это он сочинил, чтобы пожонглировать сочетаниями вроде “Сойер” – “косое” (там было про косое многомерное пространство). И еще обихихкала такие вот строчки:

Это сколько же надо свечей внести
Под глухие беззвездные выси,
Чтоб в пустой равнодушной ничейности
Шевельнулись какие-то мысли...

– Первая рифма просто ради выпендрёжа. А “выси – мысли” вообще никуда не годится. Ты используй слово “коромысло”. Пусть свечи “вносят на коромысле”. Тогда “мысли” будут рифмоваться как надо.

Илья пожалел, что коромысла нет у нас дома. А то он сломал бы его о мой “тощий хребёт”. А еще сказал про мои стихи – что это “жидкая, как вчерашний чай, дамская лирика в недо-развито-детсадовском варианте”. Я выразилась проще и короче: “Кретин...” А потом перечитала свои рифмованные сочинения, и стало скучно, Потому что Илья был, кажется, прав. Ну, кому нужны эти лирические томления, если по правде ни разу даже не обнималась ни с одним мальчишкой... Впрочем, Илья тоже скоро прекратил свои поэтические упражнения: компьютерные дела не оставляли времени для глупостей...

Так кем же я буду?

В восемь лет можно мечтать о капитанском мостике на парусном судне вроде “Крузенштерна”, но теперь-то уже не ребенок. Может, сделаться врачом? Иногда хочется куда-то мчаться и кого-то спасать. Но... при мысли о занятиях в анатомичке – жуть под сердцем.

Сейчас все мечтают о профессиях всяких экономистов и менеджеров. Но это – чтобы деньги зарабатывать. А для души?

...А может быть, судьба толкает меня в учительницы? Зарплата у них, конечно, фиговая, зато не соскучишься.

2

В лагере “Отрада” ребятишки из младшего отряда липли ко мне с первого дня. Сперва я заметила семилетнего Юрика Сенцова, который в уголке ронял слезинки (по маме заскучал), утешила как могла, повела гулять на ближний луг – удрали через щель в заборе. Потом Юрик привел Саню Богаткина, который ободрал локоть, а к медсестре идти боялся. Следующий раз они явились уже втроем, с Анюткой Левицкой.

– Жень, давайте опять удерем на луг! Не бойтесь, Анютка не выдаст, она железная! – (В первые дни они говорили мне “вы”, вот умора!)

– Лучше я вам расскажу что-нибудь, а то дождик скоро... Слышали про Ассоль и Грея?..

По правде говоря, я сама не понимаю, почему согласилась ехать в этот дурацкий лагерь “Новых впечатлений” захотелось? Или поддалась на мамину логику – “Как можно упускать почти бесплатную путевку?” (Дома в самом деле с деньгами было скверно). В общем, вздохнула и поехала. И пожалела сразу. Что было делать-то в этой “Отраде”? Над попытками вожатых устроить какие-то общие дела все только хихикали. Ждали “с томленьем упования” вечернюю

дискотеку. Там тряслись и прыгали под вопли хриплых колонок, и многие потихоньку исчезали парами, чтобы укрыться в сумерках... Мне исчезать было не с кем. Мальчишки из нашего отряда оказались ростом все меньше меня, да и думали не столько про девчонок, сколько про индейские игры. Я бы с ними тоже поиграла, да неловко – дылда такая. А те, кто с меня ростом (и старше про годам), были все прыщеватые, слюнявые и хотели уже не только поцелуев – это видно было по их делано равнодушным физиономиям...

А с младшим народом – лет семи-деяти – мне было “самое то”. Хорошо с теми, кому ты нужен. Старшие девчонки стали было хихикать и называть меня “мама Женя”, но я поговорила с двумя... они поняли.

Почти каждый вечер я приходила к ребятишкам из седьмого отряда в спальню, на “вечернюю сказку”. Их вожатая Гертруда не спорила. Ей это было на руку: меня оставит, а сама на дискотеку (“Ой, хорошо, что ты пришла, у нас методичка”). Пацанята тоже были довольны, Гертруду они боялись. Кстати, я заметила: если вожатая или учительница с вредным характером, то имя у нее чаще всего какое-то неуклюжее или пышное. Нашу классную, например, зовут Олимпиада Андриановна (прозвище “Липа – Пять Колец”).

Обычно я рассказывала ребятам что-нибудь из Грина. Они, бедные, о нем раньше и не слышали. Да и вообще многие книжек почти не читали, разве что учебники. Такие вот они нынче второклассники-третьеклассники. Хотя были и завзятые читатели. Например, Юрик Сенцов, который в первый день грустил о маме (я тоже грустила) и Стасик Галушкин – лопоухое большеглазое существо, – он мне каждое утро притаскивал в палату букет ромашек.

Чаще всего ребята хотели послушать “Гнев отца”. Рассказ – мой любимый, вот и получался он лучше других. Я увлекалась и даже говорила разными голосами – за Тома Беринга, за его вредную тетюшку, за дядю Мунка, за отца... Ребятам нравилось. Мы с ними так вжились в рассказ, что в конце концов начали играть “в Тома Беринга”. Томом сделался Стасик Галушкин – все признали, что у него это лучше всех получается, – а другие роли распределялись каждый день по-разному, как договоримся. В рассказе не много действующих лиц, а желающих делалось все больше, поэтому приходилось выкручиваться. Я придумывала приятелей Тома, с которыми он играет в пиратов (а тетюшка подкрадывается и орет: “Марш домой, скверный ребенок!”), и матросов на корабле, когда капитан Беринг (не тот знаменитый командор, а его однофамилец) возвращается в родной порт... И надо сказать, здорово получалось, в конце концов прямо спектакль начал складываться. А оборвалось все гадким образом, из-за Гертруды.

Я видел, что младшие не любят ее и боятся, но разве могла подумать, какая она гадина...

Гертруда сумела внушить малышам, что она самая всемогущая их начальница и, если захочет, может им изломать будущую жизнь. “Вы знаете, что здесь на каждого заводится личное дело? Потом оно идет в школу и на работу родителям. Кто будет нарушать дисциплину, в школе тому не поздоровится, родителям тоже – могут и с должности полететь. А самых злых нарушителей – в спецколонию для младшего возраста. Сейчас усиление борьбы с преступностью, в колонию разрешается с семи лет... Не хотите? Ладно, выбирайте: пишу докладную или разбираемся сами...”

Она завела “педагогическое самообслуживание”. Делалось это так. Приводила провинившихся в пустую кладовку попарно, приказывала спустить трусики и давала каждому крапивный стебель. “Сначала ты ему пять горячих, потом он тебе... Как это не хочешь? А колония? Может, пойдем к директору?” Никто не хотел ни в колонию, ни к директору... Сама она их не стегала, разве что в редких случаях. И надеялась, что всегда сумеет отпереться: “Я ведь никого не трогала, они сами, это было как игра...” (так потом и говорила).

Я сперва не могла понять: почему то один то другой, пытит, ежится, почесывается. Спрашивала, но они шмыгали и отводили глаза. Однако в конце концов Стасик (не самый смелый, но самый доверчивый и преданный) признался мне один на один. Даже привел в пустую умывалку и, сопя и краснея, показал ожог с белыми пузырьками

– Это она сама... потому что я Шурика не стал и он меня не стал...

У меня миг полетели тормоза. Дело было в тихий час, я ворвалась в “вожатскую кают-компанию”, где весь славный педагогический коллектив распивал чай. И заорала...

Я в некоторых случаях умею так орать, что стекла выгибаются наружу. Конечно, меня бросились утешать. Конечно, Гертруда завопила, что я вру. Принялись было успокаивать и ее, и меня. Я поняла, что ничего тут не добьюсь. Ничегошеньки...

До станции было двадцать минут бега, если напрямую, через лес. Электрички ходили часто. Через час я уже оказалась в городе. И все еще булькая, как невыключенный чайник, с вокзала рванула в редакцию, где когда-то служил корреспондентом папа. Сейчас там никто из его знакомых уже не работал, но меня встретили так, будто знали раньше. Без длинных расспросов. Сразу пустили к редактору (то ли к главному, то ли к его заму). Это оказался молодой длинный дядька с густыми усами. Немногословный. Выслушал, ни разу не перебив, только включил на столе крохотный диктофон (“Не возражаешь?” – Я не возражала).

У окна молча покачивался в плетеном кресле еще один журналист – тоже худой, но без усов и рыжий.

Когда я выговорила и выкипела, редактор сказал:

– Боря, ты свяжись-ка с каналом “Горизонт”, это для них...

– Угу... – согласился рыжий Боря. – Хотя зачем? У нас же есть камера, цифровая. С ее кассеты можно сразу в эфир. Да и нам статья не помешает. А то охамели господа воспитатели...

– Тогда что? Поедешь сам?

– Угу... Еще Галину возьму на всякий случай.

– Ну, ни пуха... Кстати, заведите домой... Евгению Сергеевну Мезенцеву. Ей наверно, возвращаться в “Отраду” сейчас не резон.

У меня не было ключей от дома, я попросила отвезти меня к маме на работу. Боря и Галина (симпатичная, только слишком пахнущая помадой) охотно отвезли. По дороге порасспрашивали “о деталях”.

С мамой, конечно, было объяснение. Сперва: “Как ты могла?! Что ты такое выдумала?! Ты меня доведешь до кардиологии!” Потом, разумеется, уже по-иному: “Ну да... ну, по сути ты права. Только вот по форме... Всегда порешь горячку, вся в отца...” А папа, кстати, никогда не порол горячку, он был спокойный. Другое дело, что не терпел подонков...

В лагерь я не вернулась. Весь следующий день проревела, потому что жаль было ребят. Но я понимала: если вернусь, хорошо, как прежде, уже не будет. Да и какой смысл? До конца смены оставалась неделя, все равно скоро пришлось бы прощаться. Пусть уж запомнят меня такой вот... (“справедливой и гневной, как валькирия, пронесшаяся по небосклону”, – подсказал Илья, когда я изложила ему всю историю).

3

Как с этим делом разбирались журналисты, я не знаю. Говорят, был какой-то репортаж пол телеканалу “Горизонт”, но ни я и ни никто из домашних и знакомых его не видел, только бестолково пересказывали с чужих слов. Была и статья в газете “Городские голоса”, но про нее я услышала с большим опозданием, от Люки. “Евгения, у тебя есть газета, в которой напечатано про твой скандал в лагере? Мне сказала Яна Юхина из нашего дома, она читала на той неделе...”

Я сказала, что слыхом не слыхивала про “напечатанный скандал”. И “больно мне надо...” Но потом разобрало любопытство. Я выяснила в справочном номер Отдела молодежных проблем в “Городских голосах”. Набралась нахальства и позвонила тому усатому дядьке, Андрею Петровичу Баландину (он как раз был редактором этого отдела, я уже знала). Сказала, что

слышала, будто был материал, но я его прозевала и “нельзя ли раздобыть тот номер газеты, на память?”

Андрей Петрович откликнулся живо, словно обрадовался мне.

– А, Евгения Сергеевна Мезенцева!.. О чем разговор! Сейчас же скажу, чтобы нашли несколько экземпляров!

– Спасибо! Когда можно зайти?

– Когда хочешь!.. Впрочем, зачем тебе сюда мотаться? Я передам газеты с братом. Он сегодня-завтра все равно появится.

– С каким братом?

– Разве их у тебя несколько? С Ильей, разумеется!

Оказалось, наш Илюшенька – свой человек в редакции. Он там уже целый год вел раздел “Тайны виртуальных пространств”, готовил всякие конкурсы и заметки про компьютерные игры, про интернет и другие такие дела. И подписывался “И.Тюменцев”... Вечером он принес пять газет:

– Держи, героиня скандальной хроники...

– А почему ты раньше ничего не говорил?! – вцепилась я в него. – Ни про свою работу, ни про эту статью!

– Чего говорить-то? Не работа, а так... ради карманных денег, чтобы у мамы на сигареты не кланчить...

– Ты же не куришь!

– Я в переносном смысле... А статью я, честно говорю, прозевал. До того ли мне в эти дни?

В самом деле! Сперва экзамены на аттестат, потом выпускной вечер, сдача документов в университет...

– А почему ты “Тюменцев”?

– Ну... – он малость смутился, что бывало не часто. – Папа же из Тюмени, значит и наши корни там. Надо было придумать какой-то псевдоним, вот и стукнуло в голову... А что такого?

– Да ничего...

Папа родился в Тюмени и провел там детство. И любил рассказывать про этот город. Все мечтал, что когда-нибудь съездим туда вместе, к его школьным друзьям...

Я стала читать. Было почему-то неловко и тревожно... Впрочем, обо мне там оказалась лишь одна фраза: “Первой подняла шум Женя Мезенцева из второго отряда, с которой дружили и которой доверяли малыши...” Я вспомнила Стасика, Андрюшку, Анютку, Юрика и дальше читала уже сырыми глазами. Не столько злилась на гадючную Гертруду, сколько горевала о пацанятах... А Гертруде досталось в газете здорово! И “отрадному” начальству тоже. Но чем для них все это кончится, из статьи было не понять. Уже потом, где-то через месяц, я услышала, что Гертруду поперли из лагеря и работать вожатой в то лето нигде больше не разрешили. Зато осенью она сделалась каким-то чином в “Городской комиссии по делам детей и молодежи”. Вот так-то... Но это я, конечно, узнала уже совсем в другое время.

...Ну так что? Может, я и правда сделаюсь “работником педагогической сферы”? Учительницей или членом какой-нибудь комиссии, чтобы не давать жизни всяким Гертрудам?

Нет, лучше археологом, как мечтала в третьем классе. Кто-то же должен раскопать до конца тайны египетских и мексиканских пирамид, а то роют, роют, а загадок только прибавляется...

Или журналистом? Чтобы вот так, по первому сигналу – камеру в руки и на место происшествия! Как рыжий Боря из “Городских голосов”...

Так я лежала и размышляла. А Илья в соседней комнате то шелестел бумагами (как министр!) то срывался и бежал в коридор, чтобы оттуда позвонить кому-то (думал, что из коридора мне меньше слышно, чем из комнаты). Наивное дитя!.. Я наконец так ему и сказала.

Он заглянул ко мне.

– А ты чего возлежишь, как персидская княжна? Да еще язвишь...

В ответ я спросила, что такое “Байливик”.

Илья, если чего-то не знал, не спешил признаваться.

– Тебе зачем?

Я показала ему монеты. Вчера-то он их не видел!

Илюха заинтересовался. Повертел, поразглядывал и предложил:

– Ты перепиши с них все данные на бумажку и дай мне. Я сегодня вечером пошарю в интернете, там про эту нумизматику обязательно что-нибудь найдется.

Все-таки неплохой у меня братец, хотя порой и строит из себя ученого.

Я взялась за переписку. Илья тем временем наконец дозвонился, кому хотел. Посветлел лицом.

– Ужель та самая Татьяна?

– Евгения! Давно уши не драли?

– Ха! Ха! Ха! Кто вчера носом кровать копал?

– Мучача эскарнеседора...

– Это что?

– Это “милая девочка”... Пиши бумагу. Чтобы через час была готова. Я приду и заберу... если будешь хорошо себя вести.

Он умчался куда-то. Я закончила список и в этот момент появилась Люка.

Люка – всегда источник новостей. Чаще всего про себя, но и про окружающий мир тоже. На этот раз она сообщила, что – “Вот ужас!” – у нас в школе будет новый географ.

– А почему ужас?

– Потому что в наши дни все меняется только к худшему.

Я вспомнила нашу Варвару Ефимовну и сказала, что хуже, вроде бы, некуда.

– Как знать!.. А наш Костячок-толстячок уходит из “Утят” в ДК аэропорта. Вместо него будет Василиса Прекрасная, его заместительница. Хотя и прекрасная, а я не хочу, я перейду в драматический коллектив, их режиссер Петруша Вронцев, говорит, что у меня есть данные...

– Ты, Лючка, удивительно разносторонняя личность, – сказала я почти всерьез.

Она это “почти” проигнорировала, подтвердила:

– Я такая...

– Слушай, “такая”, если правда перейдешь к артистам, уговори вашего Петрушу поставить спектакль “Гнев отца”! Я сочиню сценарий! – Это меня осенила внезапная “гениальная идея”.

Люке гриновский рассказ был известен. К тому же она не была скептиком и мои идеи всегда поддерживала.

– А что! Блестящая мысль!.. Только... – Она вдруг пригорюнилась.

– Что “только”? Дефицит актерских дарований?

– Не в том дело. Этот Полномочный представитель центра... Чиновники-то не унимаются, грозят выселить. Если такое дело случится, какие там спектакли...

– Вы же хотели пикеты устроить!

– Ну, устроим... Они где и кому помогали, эти пикеты? Мама несколько раз ходила на демонстрацию с плакатом, чтобы выдали зарплату за май и отпускные. И что?

Люкина мама преподавала черчение в Техническом колледже.

– Впрочем, пикет будет, в субботу. Пойдешь?

– Само собой...

Пришел Илья. Включился в наш разговор, тоже обругал чиновников, которые “мало того, что не производят материальные ценности и кормятся за счет трудового населения, так еще делают людям пакости”.

Я не выдержала, подцепила его:

– А философы производят материальные ценности?

– Естественно! Они производят научные труды, которые позволяют объяснять проблемы глобального масштаба и не скатиться к хаосу...

– Разве мы к нему не катимся?

– Но без философов катились бы не в пример быстрее... Впрочем, теперь это не имеет значения. Кажется, скоро все кончится...

Это он довольно дурашливо сказал, но у меня почему-то холодок по позвоночнику.

– Что... кончится?

– Все, – с сумрачным удовольствием повторил братец. И объяснил, что к Земле движется астероид диаметром в двенадцать километров. Когда он “хряпнется о нашу старушку планету, надобность во всякой философии отпадет сама собой”.

Я с облегчением махнула рукой. Столько уже было разговоров про всякие кометы и астероиды, которые должны были поставить точку в человеческой истории. Все просвистели мимо.

Илья, однако, сказал, что на этот раз американские ученые сделали точнейшие расчеты и вероятность попадания очень даже немалая. Даже дату называют: девятнадцатое февраля.

– Одно утешение, что случится это через двадцать лет. Так что есть время привести дела в порядок...

– За двадцать лет орбита может сто раз измениться, – утешила я себя и остальных. А Люка высказалась мудрее. Сперва она, конечно, сказала “какой ужас”, а потом:

– Может, астероид заставит людей перестать изничтожать друг друга. Придется объединить усилия, чтобы раздолбать его до подлета. Как в фильме “Армагеддон”. Там ведь как раз про это.

Илья буркнул что-то вроде “хотелось бы верить” и спросил:

– Составила свой эскадренный перечень?

Я отдала ему бумагу.

Пришла на обед мама. Она не каждый день приходила на обед, но сегодня появилась, причем раньше обычного. И была явно расстроена чем-то. Илья тоже заметил:

– Мам, что? Неприятности?

– Не без того...

Я решила, что у мамы опять на работе какая-то путаница с бумагами, и легкомысленно решила утешить ее:

– Мама, плюнь. Все это чепуха на фоне летящего к нам астероида.

Мама сказала, что про астероид она слышала, но эта проблема ее не тревожит. Гораздо ближе другой “астероид”...

Тут я, Илюха и даже Люка сделались серьезными. Илья сказал вполголоса:

– Со здоровьем что-то?

– С квартирой... Сегодня утром позвонили, преподнесли сюрприз...

Оказалось, нам грозит беда, о которой до этого дня и подумать было невозможно. Квартира-то была ведомственная, Областного управления МВД. Папа получил ее, когда был еще лейтенантом и только женился на маме. Мы всегда считали, что это наш собственный дом. И вдруг оказалось, что в хозяйственном милицмейском ведомстве какие-то реформы, планы ремонтов, передач жилья в другие руки и всякая такая галиматья. Видимо, все для того, чтобы избавиться от жильцов, которые теперь к МВД не имеют отношения. Переселяйтесь, голубчики и верните жилплощадь настоящим хозяевам!

– Конечно, на улицу не выгонят, говорят, что предоставят комнату в общежитии. Одну комнату на трех человек! Представляете себе?

Мы не представляли. Дело даже не в размере жилплощади, а вообще: как это покинуть дом, в котором родились?

Люка деликатно сказала, что ей пора домой. А мы продолжали обсуждать свалившуюся на наши головы беду.

– Мама, но есть же суд в конце концов, – сказал Илья. Не очень, правда, уверенно.

– Есть... – вздохнула мама. – Я уже звонила знакомому адвокату.

– И что?

– Обещал “проанализировать ситуацию”. Вечером позвонит... Сказал, что все равно “так скоро не выселят, это длинная волокита”... Ну, давайте обедать.

Сперва известие о грядущих неприятностях бьет как дубинкой по голове. Но потом человек поморгает, помотает головой, очухается немного и начинает думать: “Может, все еще не совсем плохо? Вдруг пронесет беду?” Так и мы. Съели щи, макароны с яичницей, выпили компот и решили, что надежду терять не следует. В конце концов и адвокат знакомый есть, и всякие справедливые законы в кодексах, наверно, отыщутся, а, может и милицейские завхозы передумают (хотя бы из-за своей лени)... В конце концов, не завтра же нас начнут выгонять отсюда!

Илья ушел к Толику Гаевскому (к нему ли одному?).

Мама чмокнула меня в щеку (“Ты как себя чувствуешь?.. Ну и молодец”).

Я поскучала, подумала, не пойти ли в библиотеку, но решила перенести это дело назавтра. Поразглядывала опять монетки, подождала: не появится ли Лоська? Он не появлялся. Я прилегла опять... и уснула.

Мне приснилось, что нас все же решили выселить, но вместо квартиры отдают Арамеевский дворец.

– Чем ты, Илья опять недоволен? – спрашивает брата подполковник Будимов. – Вам пошли навстречу, такие апартаменты!..

– А где будет жить генерал? – ехидно интересуется Илья.

– Он здесь не хочет. Его секретные службы сообщили, что астероид упадет именно на этот город. Так что дворец в полном вашем распоряжении...

– Покорнейше благодарим, господин п’олковник! – гаркает Илья голосом старинного фельдфебеля...

Потом Илья, мама и я с чемоданами бредем по рыхлому вспаханному полю к далекому лесу. Там на опушке мы должны вырыть землянку, чтобы жить в ней всю оставшуюся жизнь. Я несу на ладони Лоськин глобус, он светится, и мне кажется, что теперь это моя единственная отрада... А монетки с кораблями? Я же их оставила в доме! Я поворачиваюсь и бегу назад под Илюхины и мамины крики, ноги вязнут в жирной черной земле... и дальше начинается какая-то белиберда, которую невозможно вспомнить...

4

Я проснулась, когда вернулся Илья. Уже под вечер. А мамы еще не было.

– Возьми, засоня... – Он протянул мне листы с отпечатанным текстом. – Здесь и про остров, и про монеты.

– Спасибо... У-у, а почему по-английски?

– Русского текста не нашел, скажи спасибо и за это. Переведешь, это полезно перед уроками в любимой школе.

– Изверг...

Мне лень было тянуться за словарем. А без него много ли поймешь? Но все-таки... Можно было разобрать, в каком году какое судно построено, в честь кого названо, где закончило свою историю (то потонуло, то сгорело, то разбилось; корабли, они как люди – не всегда кончают жизнь от старости). И какое водоизмещение, и какими рейсами ходило...

Я наполовину перевела, наполовину догадалась, что слова “Caesarea insula” на ребре у монет означают “Императорский остров” и что его так назвал римский император Антоний в трехсотом году нашей эры.

И про остров Джерси кое-что перевела. Оказывается, в девятнадцатом веке этот кусочек суши, расположенный в двадцати километрах от берега Франции (но сам – английский!) “переживал экономический бум”. Расцветала торговля, строились корабли. И вот на память о том времени шесть знаменитых парусников оказались на монетах. Кстати, в этой серии была отчеканена еще одна монета, но, видимо, у дяди-Костиного приятеля ее не оказалось. Ну и ладно! Как я поняла, на той денежке был не корабль, а старинный королевский щит с гербом. Это для меня не так уж важно. Вот если бы не хватало какого-то судна (скажем, баркентины!), была бы досада... Конечно, потом я сделаю подробный перевод (или заставлю Илюху), а пока хватит и этого.

Пришла мама. Более бодрая, чем днем. Рассказала, что снова беседовала с адвокатом. Тот ей объяснил, что без суда выселить не посмеют, а суд – дело долгое. К тому же он, этот суд, наверняка встанет на нашу сторону. Тем более, что мы – семья погибшего офицера милиции. Ну да, отец погиб, когда из милиции уже уволился, но это ведь не отменяет его заслуг перед МВД!

– К тому же, Виктор Викторович обещал помочь, – сказала мама и нерешительно глянула на Илью.

– Ага, жди... – буркнул брат. Но больше спорить не стал.

В общем, известия были успокоительные, и мы почти перестали тревожиться. По крайней мере, в тот вечер. Я взяла стеклянный глобус и стала разглядывать сквозь него “полный трехмачтовый корабль” (то есть фрегат) “Перси Дуглас”, названный так по имени генерал-майора сэра Перси Дугласа – то ли одного из губернаторов острова, то ли губернаторского помощника... Смотрела, смотрела, и “корабельное желание” снова зазвенело, как струнки тонкого натянутого такелажа. Вот бы мне модель такого корабля!.. Нет, в кружок я, наверно, записываться не буду, в седьмом классе и без того хватит хлопот. Но, может быть, наберусь терпения-умения и построю модель сама. Надо только изучить тонкости устройства парусника. А для этого – конечно же! – необходима книга “Фрегат “Виола”!

Завтра утром обязательно пойду в библиотеку!

Галиот капитана Грея

1

Конечно, бессовестный жулик Павел Капитанов и не думал возвращать книгу!

Анна Григорьевна и Анна Константиновна смотрели на меня виновато, словно они сами зажилили несчастный “Фрегат”. Наконец Анна Григорьевна предложила:

– Знаешь что, Женечка? Может быть, есть смысл тебе самой наведаться к этому мальчику? К сожалению, у нас нет возможности ходить по адресам, а ты можешь представиться, как член библиотечного актива...

– Да! Я схожу! И он у меня попляшет...

Я зашла домой, надела джинсы и майку с якорем (в таком костюме я чувствую себя уверенней, чем в любой другой одежде), сунула в карман монетку с “Перси Дугласом” – как талисман, для храбрости. И двинулась разоблачать похитителя и спасти книгу.

Павел Капитанов жил не так уж далеко от меня – в пяти троллейбусных остановках, на улице Лермонтова. Улица была заросшей старыми тополями, а нужный мне дом оказался похожим на наш – такой же старый, кирпичный, трехэтажный. Это почему-то слегка успокоило меня. Я подумала, что, может быть, незнакомый Пашка не злоумышленник, а просто растяпа и лентяй. Ну, я ему скажу...

Жил он – опять же, как и мы – на третьем этаже. На лестнице пахло мокрой известкой и керосином. Я позвонила в обшарпанную дверь с номером 11 над глазком. “Наверняка никого нет дома...” Но дверь открылась почти сразу. Без всяких вопросов “кто там?” и “что надо?”

Я увидела белобрысого мальчишку моих лет (только пониже, конечно). В таких же, как у меня джинсах, в полосатой майке. В больших квадратных очках. Очки ничуть не делали мальчишку похожим на прилежного ученика, каких называют “ботаниками”. У него были крепкие скулы, вздернутый нос, потрескавшиеся губы, выгоревшие клочковатые брови. Будь он помладше, я решила бы, что совсем, как Гаврик из книжки “Белеет парус одинокий” (если, конечно, бывают “гаврики” в очках). Сквозь очки смотрели светло-серые глаза. Почти спокойные, только с капелькой тревожного интереса. Сейчас скажет: “Чё надо?” – подумала я.

– Я слушаю, – сказал очкастый “гаврик”.

– Павел Капитанов – это ты?

– Это я...

– Тогда... может быть, разрешишь войти?

Он мизинцем двинул повыше очки.

– Сейчас подумаю... – (Вот нахал!) – Ладно, проходи. Беспорядок у меня, генеральная уборка... – И посторонился.

Я оказалась в комнатке с одним окошком. Действительно, кавардак. На полу валялись коробки, книги, мотки шпагата, плоскогубцы. Стулья были сдвинуты. На один из них Капитанов сел верхом, положил на спинку подбородок и стал вопросительно смотреть на меня.

Я почувствовала себя дура душой. И разозлилась:

– Сразу к делу. Книга “Фрегат “Виола” у тебя?

Он помолчал секунды три и сказал:

– Садись.

Я села на край тахты со смятым пледом. В самом деле – он сидит, а я стоять должна?

– Ну так что с книгой?

Он опять тронул очки. Стал смотреть мимо меня.

– Я сразу понял, что ты из библиотечных помощниц...

– Правильно понял. А книга?

– Потерял.

“Так я и знала!”

– Как это потерял?

– Не все ли равно?... Забыл на пляже, на Мельничном пруду. Вернулся, а ее уже нет...

Мы встретились глазами, но тут же он опять стал смотреть мимо. А я... не знала, что сказать. Глянула по сторонам. На стене висела физическая карта мира – большая, в четыре листа. Прямо на карту, в районе Атлантики была прибита некрашенная полка, но ней стояла пластмассовая модель четырехмачтового “Крузенштерна” – такие продаются в разобранном виде, надо собирать самому (мне пластмассовые модели не нравились, хотелось деревянную, как настоящий корабль). Рядом с картой висел чертеж метровой ширины – тоже парусник, только старинный. Кажется, галеон. Павел Капитанов (про себя я звала его уже просто Пашкой) повозился на стуле.

– Я сперва хотел деньги отдать, да по правилам надо в пятикратном размере, не наскрести. Тогда я решил, что отдам книги взамен. “Гарри Поттера”, три тома. Мне их подарили зимой...

– Не жалко? – сказала я.

Он пожал плечами. Плечи, надо сказать, были крепкие, как у рыбацкого юнга. Кажется, таких мальчишек у рыбаков-поморов называли зуйками. “Зуёк”...

– Не знаю. Не очень жалко...

– А ты читал?

– Читал. Сперва интересно, а потом думаешь: зачем? Если бы я был волшебником, как эти, в книжке, то не стал бы тратить силы на всякую ерунду...

– Не на ерунду, а на борьбу со злом.

– Там зло какое-то придуманное...

Мы опять встретились глазами.

– Ты врешь, – сказала я. – Ты не терял книгу. Просто решил оставить себе.

Зуёк Пашка мигнул. Повозил кедами по половицам.

– Ну и что... Я же честно хочу заменить. Будет даже лучше. На “Поттера” вон какой спрос, а этот “Фрегат” в библиотеке пылился просто так, никому, кроме меня, не нужный. Напечатан пять лет назад, а все еще новенький... Знаешь что?!

– Что?

– Можно, я отдам “Гарри Поттера” тебе? А ты отнесешь в библиотеку. Скажешь, ну... что болею...

– А сам боишься?

Он опять повозился на стуле. Отвернулся к окну.

– Не боюсь, а... Если бы по правде потерял, то не боялся бы. А врать не охота...

– Вербуешь в сообщники?

Пашка Капитанов тяжело глянул сквозь очки.

– Мне показалось, ты с пониманием... Ладно, сам отнесу. Ты только не выдавай... Ну, она же правда никому не нужна!

– Мне нужна! Я за ней все лето ходила в библиотеку! Как на дежурство!

Он смотрел с откровенным удивлением. Даже рот округлил (и я видела крепкие желтоватые зубы).

– Пашка, мы оба врал, – словно сдаваясь на милость победителя, сказала я (и сама не заметила, как вслух назвала его Пашкой; и он не обратил внимания). – Ты врал про книгу, а я про то, что библиотечная активистка. Просто мне нужен этот “Фрегат”. Не меньше, чем тебе...

Он сперва насупился. Поморгал. Потом заулыбался.

– Так бы и сказала. Ты это... если хочешь, возьми и читай, сколько надо. А “Поттера” мы отдадим.

Он уже говорил “мы”. Будто и правда сообщники. Но я-то помнила честные глаза Анны Григорьевны и Анны Константиновны.

– Знаешь, это будет все же свинство. Вдруг книга понадобится кому-то еще?
“Сейчас скажет: до чего сознательная, аж тошно!”

Пашка сказал:

– Что же делать?

– Слушай, а тебе эта книга обязательно в твердой корке нужна? Как фабричная?

– Вовсе нет! Мне – лишь бы читать...

– Тогда ведь можно сделать ксерокопию! Неужели не подумал?

– Еще как подумал! Одна страница – не меньше двух рублей. А их там четыреста сорок. Я, по-твоему, кто? Владелец газовых промыслов?

– Дай книгу мне. На несколько дней. У мамы на работе есть ксерокс. Я попрошу, чтобы сделали копии тебе и мне. А книгу отнесу в библиотеку сама, если ты... если тебе не хочется.

Последних слов он будто не слышал. А про копию спросил с сомнением:

– Бесплатно сделают?

– А что такого? У них там техника могучая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.